

A man with long, wavy brown hair and a serious expression stands in a dark, rustic setting. He is wearing a green leather tunic with gold buttons and a brown leather belt. He has brown arm guards on his forearms. The background is dark and textured, with some warm light sources visible in the distance.

Елизавета Дворецкая

Оружие скальда.
Книга вторая

Елизавета Алексеевна Дворецкая

Оружие Скальда. Книга 2

Серия «Корабль во фьорде», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164780
Крылов;

Аннотация

Желая заслужить любовь Ингиторы, знаменитой девы-скальда, Эгвальд, сын конунга слэттов, отправляется с войском во Фьялленланд, чтобы отомстить убийце ее отца. Но ему не везет, и теперь самой Ингиторе приходится везти выкуп, чтобы освободить жениха. Не добравшись до места, она оказывается совсем одна в глуши Медного Леса наедине с незнакомцем, который так же не хочет называть своего имени, как и она сама...

...Когда прославленный Торбранд конунг погиб, в курган с ним положили меч Дракон Битвы, который всегда приносит своему хозяину победу и один раз – гибель. Торвард, сын Торбранда, отправляется в глубины Медного Леса, чтобы достать меч из кургана и одолеть свое проклятье. На пути он вдруг встречает Ингитору, деву-скальда, которая так хотела его смерти, но теперь только она может помочь Торварду достичь цели.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	42
Глава 3	80
Глава 4	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Елизавета Дворецкая

Оружие скальда. Книга 2

Глава 1

От дружины «Бергбура» не уцелело никого, корабль полностью «очистили» от людей, убитых или утонувших. Больше не было тех, чьи лица, освещенные пламенем костра на берегу, Ингитора еще так ясно помнила; они покинули ее в одночасье, и мощная волна смерти висела над кораблем, пронизывая ее множеством язвящих клинков.

Бергвид Черная Шкура, воплощенное проклятье семи морей, шагнул к Ингиторе, качая в руке секиру, окинул девушку оценивающим взглядом, словно прикидывая, как удобнее ее зарубить. Ингитора, с лихорадочной дрожью во всех членах, словно ловя что-то падающее, очень хрупкое, вскинула руку и быстро провела в воздухе прямую черту сверху вниз. Это был неосознанный порыв чистого отчаяния, но руна Льда помогла – Бергвид остановился и посмотрел на Ингитору с недоумением, словно какой-то привычный предмет вдруг повел себя очень странно.

Недоуменно хмурясь и покачивая в руке секиру, словно забыв, что с ней полагается делать, Бергвид разглядывал Ингитору и словно бы пытался понять, кто эта девушка в крас-

ном платье, в зеленом плаще с золотой вышивкой, с богатой золотой цепью на груди. Таких ярких и красивых птиц ему нечасто приходилось видеть. И нечасто ему случалось встречать такой прямой, блестящий, твердый взгляд.

– Ты – дочь конунга слэттов? – отрывисто спросил Бергвид.

Голос его звучал дико: так мог бы говорить зверь, знающий всего два-три слова.

– Я – Ингитора, дочь Скельвира из усадьбы Льюнгвэлрир.

Собственный голос, чуть хриловатый от сдавившей горло судороги, показался ей камнем, брошенным в ледяную тишину и обрушившим кучу звенящих осколков.

– А! – бледное лицо Бергвида несколько оживилось: он слышал это имя. – Дева-скальд из Эльвенэса! Так это ты сочиняла про меня стихи!

Внезапно он схватил Ингитору за руку и резко дернул. Она вскрикнула от неожиданности и испуга: как с ним разговаривать, если он сам не знает, что несет! Какие стихи? Вот уж про кого ей не приходило в голову сочинять!

– Я слышал, пересказывали купцы! – продолжал Бергвид, не выпуская ее, и глаза его лихорадочно блестели, словно он вдруг куда-то заторопился. – Что-то про то, что я – охотник, и у меня копье, на которое я посажу конунга фьяллей! Расскажи! Ну!

Он опять дернул ее руку, и она возмутилась:

– Отпусти меня! Я не могу говорить стихами, когда меня

так дергают, словно хотят руку вырвать с корнем! Да, такие стихи у меня есть. Но они большей частью про Торварда, конунга фьяллей.

— Вот, вот! — оживленно воскликнул Бергвид. — Расскажи про него! Про то, что я скоро убью его! Говори же, ну!

Ингитора отступила на шаг от Бергвида, уперлась спиной в борт и сказала свою «медвежью вису»:

*Вышел в путь ловец неробкий —
Вор ночной обложен сворой...*

Произнося собственные строки, она плохо понимала, про кого же это: тому, кто стоял перед ней, слова «вор ночной», «что в ночи ловил невинных» и прочие подходили наилучшим образом. У Бергвида был странный взгляд: сосредоточенный и вместе с тем затуманенный, словно между ним и действительностью висит полупрозрачная завеса и он, глядя из-за нее, видит не то, что есть, а что-то свое, и имеет дело с тем своим. Мелькнула мысль, что он безумен, и в сочетании с его невероятной жестокостью, о которой Ингитора столько слышала и в которой сейчас убедилась сама, это делало его настоящим выходцем из Нижних Миров, оборотнем, злым духом! От этого чудовища ее отделяла сейчас лишь прозрачная стена из невидимого, неосязательного льда, сотворенная могучей руной Исс. Эта фигура с секирой в руке и с плащом из толстой бычьей шкуры на плечах словно бы вышла из саги

– из древней и жуткой саги, где Сигмунд и его племянник Синфиотли превращались в волков и бегали по лесу, а Сигне добровольно бросилась в горящий дом и погибла не с любимым, а с ненавидимым мужем, потому что месть ее свершилась и ей оставалось только последовать за ним, как велит ее долг жены. Подобная же сага разворачивалась вокруг Ингитора и готова была ее поглотить, погубить – но взгляд скальда и сейчас не изменил ей, как не может изменить то, что родилось с тобой и создало тебя. Она видела себя со стороны – одну, совсем одну на смертельно раненном корабле, лицом к лицу с морским конунгом Бергвидом – и ужасалась, и восхищалась, и не чувствовала досок под ногами. Она не верила, что это всерьез – можно назвать это храбростью, можно глупостью, но Ингитора не верила в смерть и оттого не боялась. Столько раз она переживала священный ужас гибели в своем воображении, что сейчас встретила его как знакомого, и близость смертного порога наполнила ее знакомым воодушевлением. Ужас и восторг слились в ней, зажгли огнем глаза, разрумянили щеки, и она излучала свет, как валькирия, одна над полем мертвых тел.

Она не могла отделаться от дикого впечатления, что произносит «злую песнь» самому Бергvidу, прямо ему в лицо, а он слушает, жмурясь и скаля зубы от удовольствия, словно ему поют «песнь славы»! Все в его мире было перевернуто, и то, что для других позор, для него – подвиг! Она так увлеклась этим впечатлением, что споткнулась на имени То-

рварда и едва не сказала «Будь под стать медведю, *Бергвид*» — удержал ее только рисунок созвучий, которому требовался именно «Торвард».

*Шкурой станешь с кислой мордой —
Казнь твою судьба укажет...*

Все-таки и для самого Бергвида здесь нашлось подходящее слово, и Ингитора уже с восторженным ужасом ждала, что сейчас он заревет от ярости, изрыгая огонь — но он ничего не заметил, весь поглощенный наслаждением от унижения врага!

— Ну, а еще! — жадно требовал он. — Еще про его отца, воруягу, который украл у великана меч!

Ингитора начала снова:

*Ведьмы сын кровавый
К волку род возводит:
Мало смел отец был —
Меч в горах украден!*

Стоило решиться на десятидневное плавание, чтобы узнать, про кого стоит слагать стихи! Вот кто поистине «в мрак и тьму окутан» или «рыщет, грозный, ищет крови»! Судьба — охотница смеяться над тем, кто считает себя чересчур умным. И теперь смеется Бергвид Черная Шкура, морской конунг, наводящий ужас на все племена одним своим

именем, смеется, показывая крепкие зубы в истинно волчьем оскале.

– Нам с тобой по пути, – сказал Бергвид, когда она закончила, и снова стиснул руку Ингиторы. Ей вспомнился рассказ Анвуда о железном кольце, которым приковали к мачте Гранкеля. Ни разомкнуть это железное кольцо, ни вырваться не было никакой возможности. – Ты пойдешь со мной!

И раньше, чем Ингитора успела подумать или хотя бы ответить, он поднял ее на руки и понес прочь от кормы разбитого «Бергбура», от того места, где принял свой последний бой Ормкель Неспящий Глаз, до конца выполнявший свой долг защищать ее. Вот ее передали, подняли, поставили – она оказалась на борту черного корабля. Только звон сбиваемых замков раздавался позади нее – серебро и золото Хеймира конунга достанется совсем не тому, кому назначалось. Но это уже не занимало Ингитору: образы Эльвенэса и Аскефьорда испарились из ее мыслей, как пустые мечты.

* * *

На Лисьем мысу дымил костер, на песке лежала небольшая снека со свежими деревянными заплатками на боку – та самая, что одним туманным вечером села на камни перед устьем Аскефьорда, но была вовремя снята и починена. Ее четырнадцать гребцов сидели вокруг черного котла, держа наготове ложки, ветерок разносил дразнящий запах густой

каши с салом. Сам хозяин, Болли Рыжий, невысокий упитанный человек с лохматой рыжей бородой и круглым, розовым, настырно-любопытным лицом, огромным ножом резал хлеб, пристроив его на краю бревна.

– Да где же Аудун? – Выдав пару ломтей, Болли завертел головой. – Что-то он там застрял, каша же остынет!

– Сказал, что пойдет место освободить, вот и делает дело как следует! – ухмыльнулся один из гребцов, Стейнар. – Он же у нас парень основательный!

– Да за это время тут все кусты можно об... обойти! – тоже посмеиваясь, заметил Торстейн Болотник.

– Да вон он! – Хрут Длинный облизал ложку и показал ею куда-то вперед. – Вон, бежит, как будто за ним тролли гонятся!

– Понял, что сейчас опоздает! – хмыкнул Гудорм Точильщик и снова полез ложкой в котел.

Аудун, племянник Болли, такой же невысокий и плотный, даже толстоватый парень лет двадцати трех, с жидковатой бородкой, которую он отпускал «для пущей важности», но которая почему-то не хотела расти нигде, кроме самого края подбородка, неся к ним по камням, спотыкаясь и на бегу суматошно взмахивая руками, чтобы не упасть. Гребцы встретили его приближение смехом, думая, что он торопится к каше, но замолчали, увидев его лицо – побелевшее, с вытаращенными глазами.

– Там, там... – остановившись возле самого костра, Аудун

махал перед собой руками, сглатывал и задыхался от бега.

Видно было, что он очень торопится что-то сказать, но не может выговорить ни слова. При виде такого явного испуга люди у котла опустили ложки, некоторые встали на ноги.

– За тобой что, тролли гонятся?

– Да не торопись, еще успеешь!

– Не гогочи, говори толком!

– Что там такое?

– Там Бер... Берг... Бергвид Чер... – выговорил наконец Аудун, и тут уже встали на ноги и те, кто еще сидел.

Гудорм Точильщик замер с полупрожеванной кашей во рту, и его челюсти, до того двигавшиеся, так и застыли.

– Где? Близо? Идет сюда? – заговорили все разом, и на изменившихся лицах была написана готовность немедленно, не взяв ничего и не оглядываясь, со всех ног бежать в лес.

– Бли... На Остром... ну, где причал Фридланда! – наконец выговорил Аудун. – Там был корабль... Наш, «Бергбур» Арин... Ну, из Дымной Горы! И они всех!

Он сделал резкое движение рукой, словно мечом отсекая что-то.

– Всех! Всех людей! Там какая-то знатная йомфру... В зеленом платье... Вся в золоте... Ее унесли на «Быка»...

– Что он делает-то? – допытывался Болли, чье круглое лицо словно бы даже осунулось от испуга и круглые щеки обвисли. – Идет сюда? Да говори же быстрее, не мямли!

– Пока стоит! Пока чистят корабль, ну, сундуки ломают,

все! – Аудун снова рассек воздух невидимым мечом. – Людей... всех порубили! До одного! Слышал, но чтобы видеть! Кровищи, как ... Ну...

При воспоминании его опять замутило, он судорожно сглотнул и отвернулся, обеими руками сжимая собственное горло.

– Стой, Болли! – вдруг воскликнул Лованди Рассудительный. – Стой! Помнишь, говорили, что конунг послал каких-то людей в Слэттенланд за выкупом за Эгвальда ярла? Ну, который у него в сарае сидит? И что привезти его должна была Эгвальдова сестра? Так ведь «Бергбура» и послали! Помнишь, фру Сольвейг рассказывала, что Аринлейв одолжил свой корабль, потому что большие корабли конунгу самому были нужны? Вот, это верно, они и есть!

– И их разграбил Бергвид! – тут и Болли наконец сообразил. – Ну и дела!

– Скорее, давай, хозяин, отплывать! – теребил его Хрут Длинный и другие гребцы. – А то он и нас! Он же всех фьяллей ненавидит! Давай скорее! Жить-то хочется!

Не дожидаясь приказа, люди побежали сталкивать снеку в воду. Гудорм с озабоченным лицом тащил полупустой котел с кашей и остаток каравая под мышкой.

– Ну, ну, скорее! – Сообразив, и Болли стал подгонять людей, хотя они в этом особо не нуждались. – Скорее! Бергвид захватил... Ну, дела! – Несмотря на всю опасность, Болли Рыжий был даже рад, что стал одним из первых свидетелей

подобных событий. — Да я утоплюсь, если конунг узнает об этом не от меня!

* * *

Ингитора настроилась на новое плавание, но «Черный Бык» лишь обогнул оконечность Острого мыса и подошел к деревянному, довольно новому причалу, где уже стояли в воде три корабля поменьше, с такими же головами быков на передних штевнях. Именно на этой площадке позади причала и устроился когда-то на ночлег Скельвир хёвдинг, но теперь некому было сказать об этом Ингиторе, да и не об этом она думала сейчас. «Черный Бык» встал у причала, сходни перебросили, Ингитора сошла на берег — и вот она на земле Острого мыса, того самого, на который так хотела попасть!

Возле пятен старых кострищ валялось старое полусгнившее бревно, и Ингитора села на него — ее вдруг охватила такая слабость, что едва держали ноги. Над этим самым кострищем полгода назад стоял Торвард, конунг фьяллей, и с усилием пытался сообразить, как могло после ночлега целого Бергвидова войска остаться так мало следов. И теперь Ингитора, видя перед собой настоящего Бергвида и его настоящее войско, тоже хмурилась, пытаясь понять, куда она попала и что с ней происходит. Глядя на суету Бергвидовых людей вокруг корабля, она понемногу приходила в себя. И с каждым мгновением на душе становилось все противнее

и противнее. Перемена произошла слишком резко и внезапно, но надо было признать, что все это с ней действительно случилось. То самое, чего все советовали опасаться. Бергвид Черная Шкура оказался не страшной сагой, а еще более страшной явью. Что бы с ней теперь ни сделалось, хорошего в этом будет мало. И зачем ее только понесло в эти моря? Сидела бы себе дома, в Льюнгвэлире – даже Оттар сам уехал и брак с ним ей уже не грозил... Она побывала у конунга слэттов и чувствовала себя там превосходно – нет, ей понадобилось втравливать Эгвальда ярла, влюбленного в нее, красивого, доблестного, в войну с фьяллями. А потом и самой ввязываться. И вот она сидит на бревне, выброшенном морем, дожидаясь, пока Бергвид посмотрит добычу и сойдет к ней. Ввязавшись в распрю двух конунгов, она попала к третьему – и этот третий гораздо хуже тех двух! Ах, как обрадовалась бы невозмутимая йомфру Вальборг, если бы увидела ее сейчас! Она сказала бы, что дева-скальд получила по заслугам и упала в могилу, которую копала для другого. И сейчас Ингитора готова была признать ее правоту. Она почти завидовала Эгвальду ярлу, который жив и «только ранен»: он сидит в уютном корабельном сарае Аскегорда, зная, что самое худшее, что может его ждать – это участь пожизненного почетного пленника. Сына конунга не продадут на рабском рынке Ветрового мыса, даже если его и не выкупят, так просто не бывает! А ее могут и продать, и сделать служанкой, и взять в наложницы. Лучше бы она утонула!

Бергвид сошел с корабля и направился к ней. Ингитора всей кожей ощущала, как он приближается, и ей хотелось превратиться в ящерку, спрятаться под бревном, укрыться от этих темных, безумных глаз. Он вроде бы не проявлял никакой враждебности, но сам дух его был так тяжел и жесток, что рядом с ним не хватало воздуха. Вся его темная фигура в этом диком черном плаще источала ужас тех тысяч и тысяч смертей, причиной которых он послужил. Он отправил к Хель столько мертвецов, что они давно уже перетянули его дух на свою сторону, и теперь все они пришли сюда вместе с ним. От человека давно уже ничего не осталось, дракон Нидхёгг сожрал его без остатка и занял его место.

Бергвид сел на землю рядом с Ингиторой и упер блестящий темный взгляд ей в лицо.

– Значит, Торвард сын Торбранда – твой враг? – спросил Бергвид.

Он положил руку на колено Ингиторы, потом стал поглаживать край ее плаща. Ничего похотливого в этом не было, он как будто не верил своим глазам и хотел лишь убедиться, что разговаривает не с виденьем. Но Ингитора застыла от ужаса, словно ее трогал мертвец: ей хотелось выскочить из своей кожи, лишь бы не терпеть дальше его прикосновения.

– Да, это так! – ответила она, стараясь сдержать дрожь в голосе.

– А почему? Почему? – с настойчивым любопытством допрашивал Бергвид. – Что он сделал тебе?

Брови его задрожали, на лице появилось мучительное выражение, как будто он силился вспомнить ответ на необычайно важный для него вопрос.

– Он убил моего отца! – довольно твердо ответила Ингитора, потому что об этом ее спрашивали не в первый раз и этот привычный разговор помог ей овладеть собой. – У меня нет брата или другого родича, чтобы он отомстил, и тогда я взяла месть на себя. Я лишаю его сил моими стихами и навлекая слабость и неудачу.

– Вот как! – воскликнул Бергвид и сжал ее колено так, что она едва не вскрикнула. – Расскажи, расскажи! Расскажи мне все! Как это было?

Ингитора принялась рассказывать о ночной битве на Остром мысу. Бергвид слушал так жадно, как будто ему рассказывали историю гибели его собственного отца. Лицо его менялось каждое мгновение: на нем отражалось любопытство, ярость, боль, злоба, мстительность, какое-то горячее жестокое удовольствие. Но это не было откликом на ее повествование: слушая, он оставался в своем мире, за своей невидимой завесой, во власти своих собственных переживаний. Ингитора видела, что она и он говорят, но не разговаривают, и во всем теле уже ощущалось какое-то недомогание от его долгого присутствия, как если бы она нырнула слишком глубоко и чувствовала нехватку воздуха в груди.

А Бергвид скалил зубы, жмурился, раскачивался, бил кулаком по земле, так что неясно было, радость или страдание

им владеют. Однажды он так стиснул руку Ингиторы, что она вскрикнула. А он открыл глаза и посмотрел на нее с удивлением, словно, слушая ее, он вовсе не помнил о ее присутствии. Ингитора чуть не плакала от отчаяния: ее жизнь во власти этого человека, которого совсем невозможно понять!

– Ты – сильная женщина! – воскликнул он. – Моя мать, кюна Далла, тоже была сильной женщиной! Никто не хотел позаботиться о ней! Она сама спасла меня от рук фьяллей! Они хотели сделать нас рабами! Она сама унесла меня, и спрятала за морем, и вырастила в сознании моего долга! Она смотрит на меня, она довольна мной! Все мои жертвы – ей!

Бергвид говорил быстро и горячо, так что Ингитора, не в силах этого выносить, попыталась отодвинуться. Содержание его речи она улавливала очень плохо и не понимала даже, при чем здесь его мать и где она. Вдруг он резко замолчал, его бледное лицо погасло и увяло, тяжелые темные веки опустились. Дух в нем был похож на пламя, в которое неравномерно подкидывают хворост – он то ярко пылал, то почти затухал. Привалившись к бревну, Бергвид уронил голову почти на колени Ингиторе и то ли заснул, то ли потерял сознание. Но ее руки он не выпускал, она не могла даже отодвинуться. Люди Бергвида толпились рядом, наблюдая за ними, но никто не хотел помочь ему или ей. Они просто ждали.

Со стороны моря вдруг стали долетать глухие удары железа по дереву. Бергвид мгновенно оказался на ногах – Ингитора даже не успела заметить, как он вскочил, его нечело-

веческие силы взыграли снова.

– Идем! – он рывком поднял Ингитору с бревна. – Идем, я покажу тебе, как я расправляюсь с моими врагами!

Он устремился к мысу, и Ингитора почти бежала за ним, не поспевая за быстрым широким шагом морского конунга. Много лет она слушала пугающие рассказы о Черной Шкуре, в мыслях помещая его где-то между злодеем конунгом Атли и тем мертвецом Гламом, который проклял Греттира Могучего страхом темноты. И вот он перед ней: это казалось дурным сном, но Ингитора не могла определить, когда же начался этот сон. Когда морские великанши играли «Бергбуром» и бросили его на камни? Когда она смотрела на па-сущихся быков Ньёрда? Когда отплывала от Корабельного мыса, сопровождаемая плачем Этелахан и ее пророчеством: «Ты не вернешься»? Или еще раньше? Когда?

Бергвид притащил ее на мыс и остановился. Перед взором открывался широкий морской простор и те черные камни, похожие на любопытных морских чудовищ, высунувших головы из воды. «Бергбур» являл собой жалкое зрелище. Люди Бергвида сняли с него все, представлявшее хоть какую-то ценность, от паруса до резных заслонок на отверстия для весел. Теперь два человека, стоя на носу, с двух сторон рубили топорами передний штевень. Мертвых хирдманов просто сбрасывали в воду. В этих телах уже нелегко было узнать тех живых людей, с которыми она каждый вечер сидела у огня и каждое утро пускалась в плавание снова, но Ингитора знала,

что это они, и слезы выступили у нее на глазах при виде их жалкого погребения. Не вернуть больше увлеченных и дерзких охотников на морского быка, нет больше Ормкеля, такого колючего, неприветливого, хвастливого и бесстрашно-го. Хьёрт, Эвар, Фроди Рысий Глаз, Колль Красный, и даже все те, кого Ингитора не успела запомнить по имени, в воспоминаниях вызывали в ней горячее дружеское чувство, и было жаль их до боли!

А Бергвид остановился на берегу и скрестил руки на груди. Он смотрел на «Бергбура», и на лице его отражалось горделивое, отчасти лихорадочное торжество, словно этого зрелища он ждал всю жизнь. Он наслаждался видом разграбленного и разбитого корабля, а Ингитора смотрела на него и думала, как же он жалок при всей своей грозной силе: лицо его казалось изможденным, он выглядел много старше своих тридцати трех или тридцати четырех лет. Кожа плотно обтягивала его нос, лоб и скулы, на висках виднелись впадины, и щеки, поросшие черной бородой, тоже были впалыми. Его сжигал неумолимый внутренний огонь, приносящий гибель другим, но и ему самому не обещающий ничего хорошего. Раньше Ингитора считала его просто самым крупным и знаменитым из морских конунгов, которые водятся во всех семи морях, грабя корабли или плохо защищенные прибрежные жилища. Но здесь все иначе: не только и не столько добыча ему нужна. Им владела иная цель, и цель эта – месть. Ингитора и раньше слышала, что он мстит фьяллям и поче-

му-то слэттам за разорение Квиттинга, но не думала, что это так серьезно. Удовольствие от вида гибнущего «Бергбура» значило для него больше, чем захваченная добыча.

– Посмотри! – вдруг он обернулся к ней, обхватил ее за плечи и подтолкнул к краю обрыва. У Ингитора мелькнула паническая мысль, что он хочет сбросить ее в воду, но Бергвид держал ее крепко. Он просто хотел получше показать ей корабль. – Посмотри! Так бывает со всяким кораблем, кто придет сюда! Со всяким «Вороном» и со всяким «Драконом» из тех стай, что погубили моего отца! Каждый из них лишается людей и головы! Этих голов у меня уже сотни! Я посвящаю их Тюру и Ньёрду! Я все их покажу тебе!

Ингитора поняла, зачем «Бергбуру» рубят штевень – видно, Бергвид хочет сохранить резную голову на память о победе. Уже сотни!

– А хочешь, я дам тебе корабль и дружину? – Бергвид порывисто повернул ее к себе, железными руками сжимая ее плечи. Как видно, ему нужно было держаться за собеседника, чтобы не потерять его в бешеном потоке своих мыслей, но соизмерять усилие и в голову не приходило. – У меня много людей! Я дам тебе корабль и дружину, и ты сама сможешь сразиться с Торвардом, сыном Тролля! Хочешь?

Ингитора жмурилась и отворачивала голову, чтобы не видеть перед своим лицом этих бешеных глаз, не ощущать на щеках этого дыхания. Все плыло, сознание мутилось – казалось, еще немного, и безумие этого человека захватит и ее.

– Дружину повел бы сын моего отца, если бы он у него был! – еле выговорила она, когда он перестал ее трясти. – А моя сила – это не сила оружия, она другая. И моя месть будет другой.

Говоря это, она уже сама себе не верила: мысль о мести для нее теперь неразрывно связывалась с образом Бергвида и потому казалась отвратительной.

– Теперь мы с тобой будем мстить ему вместе, – с мрачной решимостью сказал он. – Ты будешь складывать стихи, чтобы уничтожить его, и для меня, чтобы дать еще больше силы и удачи моей мести!

«И не подумаю!» – пылко воскликнула Ингитора, но только мысленно. Делать что-то совместно с Бергвидом было невозможно, даже если раньше она сама стремилась к той же цели, что и он.

– А если нет, то я принесу и тебя в жертву моей матери, – глухо и убежденно добавил он.

Это была не угроза. Он видел не человека, а просто орудие мести, которое можно использовать так или иначе, но из живого или мертвого все-таки извлечь пользу для себя, еще в этом мире, или для своей матери, давно уже живущей в темных селениях Хель.

«Лучше так», – опять-таки мысленно согласилась Ингитора.

– Я вижу, ты взял хорошую добычу! – вдруг воскликнул поблизости женский голос. – Но это еще не все!

Обернувшись на голос, Ингитора вскрикнула и попятилась. В десятке шагов от них, на опушке леса, стоял под елью огромный лохматый волк, настоящее чудовище, по размерам немногим меньше лошади. На спине его сидела маленькая женщина с густой гривой тускло-рыжих волос. Глаза ее казались огромными и горели бледно-желтым огнем. И взгляд этих глаз наполнил Ингитору таким острым, холодным ужасом, которого она еще не испытывала. Из них смотрел чужой, нечеловеческий мир: так могли бы смотреть гранитные валуны или старые ели, если бы боги вдруг дали им глаза. В мелких чертах этого странного лица не отражалось души – их оживлял лишь дух влажной земли, согревало лишь то тепло, какое источает нагретый солнцем камень. Эти два существа, женщина и ее верховой волк, были гостями издалека – можно сказать, что с того света, с изнанки леса, где под кровом влажных палых листьев идет своя, тайная жизнь.

– Что ты застыл, Бергвид сын Стюрмира! – продолжала ведьма, ибо даже Ингитора, ничего о ней не зная, мгновенно поняла, что никем другим и не может быть эта страшная всадница. – Ты не ждал меня увидеть?

Тронув коленями волчьего бока, ведьма подъехала поближе. Ингиторе захотелось отодвинуться, но она не смела пошевелиться. У нее захватило дух, сам воздух возле моря наполнился кисловатой болотной сыростью. Сразу стало холодно.

– Дагейда! – сказал наконец Бергвид. Голос его звучал по-

новому; бросив на него короткий взгляд, Ингитора поняла, что и он, морской конунг, которого бояться все двенадцать племен, сам боится этой маленькой рыжеволосой ведьмы. — Зачем ты пришла?

— Как всегда — чтобы помочь тебе, мой конунг! — ответила Дагейда. — Ты взял только один корабль. Но тут неподалеку есть еще! Там за Лисьим мысом стоял корабль, принадлежащий фьяллям! Но он уже отошел, пока ты тут наслаждался приятной беседой! А ведь ты мог бы очистить и его, как очистил этот! Ведь ты поклялся, что ни один корабль фьяллей и слэттов, разоривших землю твоего племени, не пройдет спокойно мимо Квиттинга. А клятвы нужно исполнять. И не выбрасывай все тела в море. Мой Жадный голоден.

Ведьма хлопнула волка по загривку, и вдруг серый хвост мелькнул меж елями — Всадница Мрака исчезла.

Бергвид вздохнул с облегчением и вытер лоб. Ингиторе тоже стало легче дышать после исчезновения ведьмы. Ее ощущения и предчувствия подтвердились: мир злобных духов держал Бергвида в оковах, давал ему силы для битв и пожирал его. Знает ли об этом он сам?

А он смотрел на Ингитору с мучительным раздумьем, как будто странная речь всадницы-ведьмы имела к ней какое-то отношение, которое он знал, но не мог вспомнить.

— Конунг, посмотри! — сказал чей-то голос позади них.

И он показался Ингиторе настолько невероятно знакомым, что она позабыла обо всем и поспешно повернулась. И

ахнула, прижимая руки к щекам. Встань перед ней сам Эгир со знаменитым пивным котлом в руках¹, и то она не испытала бы такого потрясения. Скорее она поверила бы, что научилась видеть духов, чем что перед ней стоит он сам – Асвард Зоркий. Это лицо, эта худощавая длинноногая фигура были крепко-накрепко связаны в ее памяти с домом, со всем привычным с детства укладом жизни усадьбы Льюнгвэлир и кругом лиц. И далеки от каменистых берегов Квиттинга, как небо от земли.

Но это был он, знакомый до белой ниточки старого шрама на скуле. А в руке его покачивалась серебряная гривна Ормкеля с двумя драконьими головами на концах.

Асвард бросил на Ингитору быстрый взгляд и снова обратился к Бергвиду:

– Посмотри, конунг. Это было у того человека, которого ты убил последним.

Бергвид взял гривну и прикинул на руке ее вес. А Ингитора тем временем во все глаза смотрела на Асварда, и ей хотелось вцепиться зубами в сустав собственного пальца, чтобы проснуться наконец! Это уже слишком!

Асвард значительно кивнул ей, словно хотел подтвердить, что он не дух и не сновиденье. Ингитора видела, что он сильно изменился: похудел, лицо его стало суше и строже. Как он мог сюда попасть?

¹ Одна из песен «Старшей Эдды» посвящена поездке Тюра к Эгиру, чтобы одолжить у него огромный котел и сварить пиво для пира в Асгарде.

Бергвид надел гривну себе на шею.

— Я посвя... шу... это... Ньёр... ду... — с промежутками, словно на середине каждого слова забывая его хвост, выговорил он, а потом закрыл глаза и застыл, сам похожий на деревянный идол бога, прокопченный дымом жертвенных костров и черный от старой засохшей крови. Обо всем, что случилось перед этим, он, похоже, уже забыл.

* * *

К тому времени как они вернулись к «Черному Быку», начало темнеть. Ингиторе казалось, что этот день длится уже не первый месяц, а меж тем она совершенно не заметила, как он миновал. Но едва лишь она осознала, как много времени прошло с утра и сколько всего случилось, как невероятная усталость навалилась на нее, как мешок на плечи, и захотелось на что-нибудь присесть.

На берегу горели костры, рыжее пламя бешено билось на морском ветру. Четыре корабля с бычьими головами на штевнях покачивались на волнах, по всему берегу расположились хирдманы, ожидающие своего вожака. В темноте их было трудно сосчитать, и Ингиторе казалось, что их тысячи, что весь берег занят этим разбойным воинством и ни у одного конунга не найдется сил, чтобы одолеть его.

Летний вечер был теплым, но Ингитору пробирала дрожь, и она плотнее стягивала на груди края зеленого плаща. При

этом в ней вспыхнуло воспоминание об Эгвальде, о последнем вечере перед его отплытием: тогда он уже не пылал воодушевлением и не жаждал славы, и на лице его отражалось одно – болезненная тоска от разлуки с нею. С гораздо большим удовольствием, чем совершать подвиги во имя любимой, он остался бы с ней дома; он не был трусом, но ему не нужна была для счастья чужая кровь. И сейчас то тихое, такое обычное счастье казалось Ингиторе прекрасным и желанным. Она вспоминала его голос, взволнованный, прерывистый от теснящейся в груди любви, и сейчас его образ вызывал в ней такую щемящую покаянную нежность, какой она не чувствовала там, рядом с ним. Перед глазами вставало его лицо, так хорошо изученное за эти полгода, такое милое, живое, всегда готовое ответить радостной улыбкой на ее взгляд. Хотелось обнять его светловолосую голову, целовать его гладкий лоб и ясные глаза – почему она там, в Эльвенэсе, не видела, до чего он хорош! Какое безумие ею овладело, куда толкало? Тогда они были вместе, ничто не мешало их счастью, но она сама все разбила, разломала, как истинный берсерк! Она вытолкала его в этот поход, она отправилась следом – и вот он в плену, и она в плену, и никогда им больше не встретиться! А она еще воображала себя несчастливой, думала о мести!

Вот она перед ней, живая месть! Мечь глядела из темных глаз Бергвида, и лик этой мести оказался страшен! И как далеко ушел теперь Эльвенэс, мирная земля слэттов! Вспомни-

налась девичья кюны Асты, и даже непримиримая йомфру Вальборг с ее смешным пристрастием к подвигам Торварда конунга казалась сейчас такой милой и хорошей! Как чудесно было бы сейчас сидеть в девичьей за рукодельем, болтать о пустяках с женщинами, которые не забивают себе головы сагами и живут настоящей жизнью! Пустяки, благословенные житейские пустяки! Как чудесно было бы сейчас оказаться там! Хотелось плакать, когда Ингитора думала, что всего десять дней назад сидела в том чудесном, мирном чертоге и сама, по доброй воле, покинула его! Если бы ее раскаяние могло поднять ее в воздух и перенести туда! «И питье свое она имела в крови его ран...» Да, вот ее и постигла участь Мис, бенгельт, женщины-кровопийцы из рассказов Этелахан, обезумевшей от жажды мести: она покинула людей и живет, как зверь среди зверей! Те безумцы, о которых рассказывала Этелахан, становились легче пуха и могли ходить по веткам деревьев; они могли даже летать, даже перелететь через море в другую страну! Но Ингитора чувствовала себя такой тяжелой и беспомощной, как никогда в жизни! Ее безумие приковало ее к земле тяжкими цепями и вот-вот утянет совсем под землю!

* * *

Возле «Быка» их уже ждал человек в хорошей одежде, с ухоженной рыжеватой бородой, но с серебряным обручем на

шее и связкой ключей на поясе – то есть раб-управитель. Подобная фигура, уместная в богатой усадьбе знатного человека, но не у морского конунга рядом с погубленным кораблем, была так неожиданна, что Ингитора изумилась, словно ничего похожего никогда не видела. Казалось, такой дикий человек, как Бергвид, и жить должен в лесу под елкой или спать прямо на песке, возле корабля.

– Йомфру Хильда прислала меня проведать, не кончен ли бой и не готов ли Бергвид хёвдинг пройти в усадьбу! – почти-тельно проговорил он, из учтивости стараясь смотреть при этом на Бергвида, но его взгляд сам собой то и дело прыгал к Ингиторе.

Бергвид вяло кивнул: теперь вид у него был утомленный, почти сонный.

– Передай моей сестре йомфру Хильде, что я приду к ней утром, – пробормотал он. – Пусть добычу несут в усадьбу.

Он пошел куда-то вдоль по берегу, к темнеющему ельнику. Там на пригорке Ингитора смутно различала в сумерках какое-то большое, диковатого и древнего вида сооружение с огромными резными столбами. «Там дальше по берегу – святилище Тюра, Тюрсхейм, – когда-то говорил ей Эвар Полмарки. – Мы поплывем мимо, с моря его хорошо видно...» Когда-то? Сегодня или сто лет назад? Хотелось оглядеться, найти его, того, чей голос еще так свежо и ясно звучал у нее в ушах, – и такое жуткое, холодное чувство одиночества охватывало Ингитору, когда она вспоминала... Это бы-

ло одиночество последнего живого среди мертвецов, и она крепче стягивала на груди плащ, пытаясь спрятаться от стылого дыхания близкой смерти.

Обладатель серебряного ошейника тем временем повернулся к Ингиторе и поклонился:

– Прошу йомфру пожаловать за мной. Я – Спелль Серебряный, управитель йомфру Хильды, хёвдинга Острого мыса, дочери Вебранда Серого Зуба, из усадьбы Фридланд.

Ингитора отметила несообразность его речи: слова «хёвдинга Острого мыса» надлежало поставить не до слов «дочери Вебранда Серого Зуба из усадьбы Фридланд», а после. Но может, она и ослышалась, поскольку голова у нее шла кругом, а руки и ноги уже были как набитые тряпьем. Спелль Серебряный еще раз поклонился, приглашая за собой, и она пошла за ним. Да, правда, она что-то слышала про усадьбу Фридланд, расположенную в этом жутком месте. На мысу виднелась всего одна усадьба, к которой от причала вел утоптанная каменистая дорога. Дружина «Черного Быка» повалила следом.

– Не ждал я увидеть здесь тебя, йомфру! – негромко сказал позади нее знакомый голос, и Ингитора, вспомнив, быстро обернулась.

– И я не ждала тебя увидеть здесь! – воскликнула она, обнаружив возле себя Асварда. – Никак не ждала! Даже не верю, что это действительно ты! Как это может быть? Как тебя сюда занесло? Как ты сюда попал? Что дома?

– Что дома? – повторил Асвард и пожал плечами, словно его это не касается. – Я там не был уже полгода, но думаю, что там все не так уж плохо. Оттар – хороший хозяин.

– Оттар? При чем он здесь? Он же уехал еще при мне!

– Ну, а без тебя он вернулся. Он вернулся еще даже без нас, пока мы с кораблем и со всеми были с тобой в Эльвенэсе. А потом, когда мы вернулись, он уже обнаружился в Льюнгвэлире. Хозяйка послала за ним, когда оставалась одна, потому что, дескать, некому ей помочь присмотреть за домом и хозяйством. А когда мы вернулись, он уже был ее лучшим другом и она уже не могла без него обходиться. Поговаривали даже, что кое-какое наследство Скельвира хёвдинга он получит: приданое если не за дочерью, так хоть за вдовой!

Ингитора слушала, дивясь и этим новостям, последняя из которых казалась уж вовсе дикой, и самому Асварду. Он сильно изменился: в его голосе вместо прежнего спокойно-го добродушия слышалась горькая насмешка, и в жестких складках возле рта Ингитора виделось что-то совсем новое.

– Но почему же ты здесь? – настойчиво повторила она. – Я ничего не понимаю! Мало того, что я сама здесь оказалась, так еще и ты тоже здесь!

Асвард усмехнулся и поднял на нее глаза. Несколько мгновений он рассматривал ее лицо, как будто тоже искал в ней то ли прежнюю йомфру Ингитору из усадьбы Льюнгвэлир, то ли новую, деву-скальда из Эльвенэса.

– И я хотел сказать то же самое! – сказал он чуть погодя. –

Мало того, что я сам здесь оказался, так еще и ты! А ведь все это два конца одной веревки. Я здесь, йомфру, как раз потому, что ты здесь.

– Но каким образом?

– Это из-за Оттара. И из-за того, что ты не захотела выйти за него и сбежала в Эльвенэс. Ты осрамила его на всю округу, что он, дескать, недостойн мстить за Скельвира хёвдинга.

– И разве я была не права? Тогда все меня поддерживали, и ты тоже! Ты был первым, кто меня поддержал!

– С этого-то все и началось. Потом, когда ты уже уехала, он выдумал, будто я был в сговоре с тобой. Ну, может, не сам придумал, а кто-то ему подсказал, а он поверил. Что ты обещала выйти за меня, если я помогу тебе избавиться от него, потому-то я и подбил всю усадьбу отговаривать тебя от этого брака... Ну, много всякой ерунды, и в придачу, что я был твоим любовником.

– Ну, это уж совсем наглость! – Ингитора даже остановилась и встала перед Асвардом, гневно заглядывая ему в лицо, словно он должен был ответить ей за Оттара. – И он не подавился своим языком?

– Я сказал, что ему именно это и следует сделать. Но он не хотел взять свои слова обратно. Должен же он был найти какую-то причину, почему ты только посмеялась над ним, таким доблестным, когда даже твоя мать... Ну, короче, тогда я потребовал поединка. Не думай, йомфру, что я с охотой подставлял свою единственную голову под его три меча, но у

меня не оставалось выбора. Не так чтобы я жаждал умереть за твою честь – ты и без нас прекрасно обходилась, – но я не мог жить со славой обманщика и заговорщика.

– А он?

– А он отказался. Он заявил, что не считает меня достойным биться с ним. И сказал, что если я так хочу оправдаться, то мне нужно понести железо. Вот...

Асвард приподнял правую руку и показал Ингиторе ладонь: вся она была сплошной зажившей раной, следом сильного ожога. Ингитора ахнула и закрыла пальцами рот. Ей стало больно от мысли, что своим уходом из дома она отчасти подвела под такое страшное испытание тела и духа как раз того человека, который казался ей милее всех остальных.

– А заживало потом на диво хорошо, – продолжил Асвард чуть погодя, выпустив из рассказа середину, и Ингитора была ему благодарна за это. – Так хорошо, что даже глупому нашему Финну стало ясно – боги меня оправдали. А Оттару хотелось совсем другого. И фру Торбьёрг смотрела на меня без особой любви. Короче, когда все зажило, мне пришлось уйти из Льюнгвэлира.

– Почему тебе! Это он должен был уйти! – возмущенно воскликнула Ингитора. – Ведь боги тебя оправдали! Если бы я была дома, он бы у меня... Они не имели права без меня распоряжаться, потому что Льюнгвэлир принадлежит мне! Да если бы он при мне посмел только намекнуть, я бы ему в глотку забила его гнусные выдумки!

– Не сомневаюсь! – Асвард усмехнулся, и Ингитору снова поразило несходство этой жесткой, непочтительной усмешки с тем прежним Асвардом, которого она знала. – Но тебя не было, и нам пришлось справляться самим. Перед богами свою правоту часто доказать легче, чем перед людьми. Боги принимают или отвергают, а люди сомневаются, колеблются, рассуждают... Мне было легче уйти. Если даже ты, йомфру, ушла мстить за отца, зачем было мне оставаться? Конечно, я не красивая девушка, и за один мой поцелуй никакой сын конунга не станет собирать войско, но зато я сам – мужчина. Я сам могу взять оружие в руки и убить пару фьяллей за моего Гейра хотя бы... Я пришел к тому, кто поможет мне это сделать.

Ингитора не сразу ответила: ее сильно задел намек, что Эгвальда ярла она привлекла на свою сторону поцелуями, и особенно больно было услышать это от Асварда, который за всю жизнь – прежнюю жизнь! – никогда не позволял себе таких грубых намеков.

– Но ты говорил... – тихо начала Ингитора, стараясь вспомнить ту прежнюю, прошедшую жизнь. – Помнишь, тогда, над морем, перед поминальным пиром... Ты же говорил, что новой смертью прежней жизни не вернешь. И что Асгерд не утешится, если матери фьяллей заплачут с ней...

– Да, я так говорил, – бесстрастно подтвердил Асвард. И голос его походил на груды земли и камней, похоронившую умершие слова и мысли. – Человек волен говорить все, что

вздумается. Судьба и боги все поставят на свои места, как все должно быть, а не как нам захочется. Ты не возражала мне тогда, но вскоре ушла, чтобы искать смерти в уплату за смерть. И вот мы с тобой оба встретились – здесь.

Помня, *что* означало это *здесь*, думать о конце их пути было так жутко, что у Ингиторы выступили слезы. Куда попали они оба, расставшись с мирной усадьбой Льюнгвэлир? Неужели для них не нашлось другого пути?

За разговором они незаметно дошли до места. Над ярко-зелеными дерновыми крышами поднимался дым, но двор скрывался за высоким бревенчатым частоколом на основе земляного вала. Над вершинами частокола виднелись головы и копья прохаживающихся дозорных – очевидно, с той стороны имелся особый помост. Ингитора еще такого не видела, но слышала про это устройство. У ворот, где столбы были покрыты резными узорами и раскрашены красным и черным, лежал большой черный камень, отчасти похожий на большого зверя. Оормкель не верил слухам, будто из этого камня по ночам выходит волк с железными зубами, а Хьёрт говорил, что на Квиттинге все может быть... Мысль об участии ее погибших спутников снова наполнила Ингитору чувством холодной тоски и неловкости: и сама она еще недалеко отошла от края пропасти, а их – *там* – было так много, и они, привыкнув к ней, тянули ее за собой... Этот жуткий сон рвался на куски, но все никак не кончался.

Ворота были открыты, и на дворе, хотя еще не совсем

стемнело, блестели огни множества факелов. Их свет позволял хорошо разглядеть женскую фигуру перед дверями дома – и при взгляде на нее Ингитора мгновенно вспомнила тканый ковер из девичьей кюны Асты: Один верхом на Слейпнире возвращается в Валхаллу, а Фригг встречает его с большим рогом в руках. Женщина, вернее, девушка с распущенными волосами, стояла у дверей, держа в руках блестящий рог, окованный узорными полосами золота, и блики его кололи глаза. Вся ее фигура, невысокая, но стройная и отягощенная пышными цветными одеждами, дышала таким уверенным и даже торжествующим величием, какие вполне пристали бы матери богов и священной супруге Отца Побед.

На Ингитору, входящую в ворота, девушка бросила удивленный взгляд. Спелль управитель обогнал Ингитору, подбежал к хозяйке и с поклоном доложил:

– Бергвид хёвдинг ушел в святилище. Он обещал прийти утром.

– Тогда отнеси, – хозяйка передала ему рог, налитый пенистым пивом до краев, а потом снова схватила раба за рукав. – Нет, подожди! Ты же не сказал мне, кто это!

Теперь уже ее взгляд не отрывался от Ингиторы и горел любопытством, которое богине Фригг было бы совсем не к лицу.

– Эта девушка плыла на том корабле, который достался Бергвиду хёвдингу. Его люди знают, кто она. Ульв ярл, иди расскажи йомфру...

– Я и сама могу рассказать, кто я и откуда! – воскликнула Ингитора, опомнившись. Разговор с Асвардом разгневал ее и тем самым подбодрил: негодуя на Оттара и даже на мать, которая явно его поддерживала, она забыла свой страх, тем более что Бергвид не показывался и она находилась, в общем-то, среди обычных людей. – Я – Ингитора дочь Скельвира, из Слэттенланда, из усадьбы Льюнгвэллр. Я плыла из Эльвенэса в Аскефьорд, чтобы встретиться с Торвардом конунгом и передать ему выкуп за Эгвальда ярла. И не моя вина, что мой путь так неожиданно прервался!

– Вот как! – Молодая хозяйка подбежала к ней и остановилась рядом. Она была ниже ростом, чем Ингитора, и смотрела на нее снизу вверх, а ее живые глаза блестели непосредственным детским любопытством. – Я о тебе слышала! Вот уж не думала, что мне доведется принимать тебя в доме! Судьба справедлива: она сводит вместе выдающихся людей, так что неудивительно, что ты оказалась у меня! Идем! Я – Хильда дочь Вебранда, из рода Ночных Волков, хозяйка усадьбы Фридланд и хёвдинг Острого мыса, приглашаю тебя быть моей гостьей!

– А хёвдинг Острого мыса – это Бергвид? – не поняла Ингитора.

– Да нет же! – Хильда с торжеством рассмеялась: как видно, она привыкла к этой ошибке. – Хёвдинг Острого мыса – это я! Я!

– Никогда не слышала, чтобы хёвдингом была женщина! –

воскликнула изумленная Ингитора.

– А я никогда не слышала, чтобы лучшим конунговым скальдом была женщина! Мы с тобой – два локтя от одного полотна! Идем же!

Вслед за хозяйкой Ингитора вошла в дом. В гриднице ждали столы, приготовленные для пира: на серебряных, медных и бронзовых блюдах лежали горы хлеба, мяса, рыбы, дичи, на концах стола виднелись внушительные бочонки со свежим пивом и возле каждого – служанка с ковшом в руках.

– Я приготовила пир для Бергвида хёвдинга, моего брата! – пояснила йомфру Хильда. – Но если его нет, мы начнем и без него! Если ему общество мертвых приятнее, чем наше, то пусть пеняет на себя!

Йомфру Хильда уселась на почетное хозяйское сиденье и посадила возле себя Ингитору. Дружина Бергвида разместилась за столами, где кроме них сидело еще человек двадцать, судя по виду, местные хёльды и бонды побогаче. Пир начался: за спиной Ингиторы появилась рабыня и прислуживала ей, точно так же как в Эльвенэсе. Перед ней оказался кусок пышущей жаром оленины, но после всего пережитого вид и запах жареного мяса вызвал у нее дурноту. Она не ела весь день, но чувствовала себя настолько разбитой, что на еду у нее не хватало сил. Попросив творога, она стала понемножку есть, чтобы не упасть в обморок и иметь силы отвечать на вопросы хозяйки.

Бергвид не показывался, и Ингитора вздохнула чуть сво-

боднее, надеясь, что сегодня больше его не увидит. Ее мучила страстное желание, чтобы он никогда больше не появлялся и исчез, как страшный сон, но она понимала его несбыточность.

– Бергвид хёвдинг, брат мой, сейчас в святилище Тюрсхейм, – сама пустилась объяснять йомфру Хильда. – Здесь неподалеку святилище Тюра – Тюрсхейм. Должно быть, ты слышала о нем. Говорят, это самое древнее святилище Однорукого на земле, – отчасти хвастливо прибавила она, как будто сама его построила. – Говорят, на этом месте стоял его дом в те времена, когда все двенадцать асов были конунгами в своих племенах. Потому так и называется – не святилище, а Дом Тюра. Бергвид хёвдинг, брат мой, всегда проводит там ночь после того, как разделается с каким-нибудь кораблем. Он ходит туда один и всю ночь говорит там с мертвыми.

– С какими мертвыми?

– Со своим отцом Стюрмиром конунгом. С кюной Даллой, нашей общей матерью. Он рассказывает им, каких врагов он одолел в их честь и ради их памяти, каких и сколько спутников послал им в мир Хель. Он знает такую ворожбу, чтобы все, кто погибнет от его руки, переходили в Хель и там становились слугами его родителей. Это Дагейда его научила. Там есть уже довольно знатные люди. Рагневальд Наковальня, например, родич вашего конунга Хеймира. Бергвид хёвдинг очень хотел бы присоединить к ним и самого Хеймира конунга. Или Торбранда конунга, но тот давно мертв.

Ну, так Расскажи мне, что у тебя с Торвардом?

— Так спрашивают о любовной связи! — Ингитора усмехнулась, как ни мало сил у нее еще оставалось на смех. — «Что у тебя с ним было?» Было то, что я его в глаза не видела, но он убил моего отца и мне пришлось взять на себя долг мести за него, потому что других родичей у нас нет.

— Ну, ну, Расскажи!

Йомфру Хильда прямо-таки источала жадное любопытство и совсем не принимала в расчет, как измучена ее гостя. Ингитору спасало только то, что она после многочисленных повторений могла рассказывать свою сагу даже во сне. Все уже казалось ей сном: и этот дом, совсем новый, с новыми резными столбами, увешанный коврами, видимо, награбленными, с весело пирующими, пьющими и поющими людьми Бергвида и осмотрительными, с опаской на них поглядывающими соседями йомфру Хильды. Сном был весь прошедший день: сквозь мутную пелену усталости он казался длинным, как целый год, рваным, непонятным... Она так отупела, что даже гибель «Бергбура» уже не казалась ей чем-то ужасным. Корабли с дружиной, вытканые красными нитями на синем или коричневом поле ковров, покачивались перед ней, словно плыли по тканному морю. Как сквозь сон, она рассматривала йомфру Хильду, и та казалась состоящей из отдельных частей, но каждая часть прочно и резко отпечатывалась в памяти. Карие глаза, блестящие настырным, нескромным любопытством, маленькие, белые, тонкие в запястьях ручки,

со множеством золотых колец и с обгрызенными ногтями... Невысокая, очень худенькая, йомфру Хильда была миловидна и ничем не напоминала своего брата Бергвида. Держалась она очень самоуверенно, покрикивала на Бергвидовых хирдманов, если они вели себя слишком шумно, и они слушались ее. Одета в красную шелковую рубаху с золотой вышивкой, в лиловое платье, со множеством золота на груди, на руках, на лбу, она выглядела как героиня древней саги о золоте дракона, как Гудрун, еще не потерявшая обоих братьев. Но все в ней казалось каким-то сбитым, неуравновешенным: дорогая одежда сидела неловко, а волосы под золотым узорным обручем были плохо расчесаны и спутались. Кости, с которых она обгрызала мясо, Хильда швыряла прямо в очаг, а руку вытирала о подол, хотя рядом стояла красивая бронзовая чаша для мытья рук и лежало полотенце. Золотые кольца и браслеты были ей широки, и приходилось все время поправлять их, чтобы не свалились.

– Да, как неудачно вышло! – сказала она, еще раз услышав, что попавшее к Бергvidу золото предназначалось для выкупа Эгвальда. Когда она убедилась, что Ингитора не встречала Торварда конунга и вражда между ними началась и продолжается через моря, ее любопытство несколько поухло и она согласилась потерпеть с остальным до утра. – Жаль, что Эгвальд не пожелал у меня остановиться, когда проплывал – мы видели его корабли и я готова была оказать ему гостеприимство и почет, какого требует... Или он

не знает, что мой дом — «мирная земля»? Жаль, я бы хотела его повидать. Эгвальд, должно быть, хорош собой и доблестен? Да? И, наверное, он с тобой обручен? Ну, пожалуй, сегодня уже ничего нельзя сделать, а тебе пора спать. Иди, я велю дать тебе место на моей лежанке. Халльгерд, отведи йомфру в девичью! Уложи ее, и если ей что-то еще нужно, чтобы все было сделано! Служи ей, как мне самой!

Это было очень любезно с ее стороны, и Ингитора поднялась с места с большим облегчением. В девичьей служанка подала ей умыться, потом присела, чтобы развязать ей башмаки... И на этом Ингитора заснула. Как с нее снимали платье, укладывали и укрывали одеялом, она уже не ощущала.

Глава 2

Спала Ингитора плохо: часто просыпалась, пыталась сообразить, где находится и кто посапывает рядом с ней на лежанке, смутно вспоминала: море, «Бергбур», потом Бергвид, потом «Бык», потом йомфру Хильда, подпирающая подбородок маленькой белой ручкой со множеством тяжелых золотых перстней, из-за которых даже нельзя сомкнуть пальцы... И опять засыпала, так и не поняв, сон это или явь. Ее томило беспокойство, причин которого она не могла вспомнить; казалось, вот-вот должна случиться какая-то беда и надо быть начеку, при том что мучительно хочется спать. Было тоскливо и тягостно оттого, что вокруг темно и все спят, словно она осталась одна в умершем мире. Хотелось света, движения, ясности, и она не поверила бы себе, если бы вспомнила, что идет середина лета и ночи так коротки.

Когда она проснулась окончательно, девичья уже опустела, только рослая рабыня лет сорока, с плоским костистым лицом и сурово сжатыми губами, которая вчера ей прислуживала, сидела на приступке другой лежанки и подшивала серую рубаху. Ингитора некоторое время полежала, глядя на нее, и обыденность этого зрелища постепенно убедила ее, что и все остальное ей не приснилось: и море, и погибший «Бергбур», и Бергвид... Неужели только вчера, всего сутки назад, она проснулась на берегу среди хирдманов с «Бергбу-

ра», и еще дразнила их, не объелись ли они мясом, а Колль Красный отвечал, смеясь, что-де пояса у них крепкие и не такое еще выдержат, и похлопывал по животу своего друга Скьяльда... Все они мертвы... А она – во власти Бергвида, как в пещере дракона, откуда нет выхода...

Правда, Бергвида она за весь ближайший день так и не увидела. Как ей рассказала рабыня Халльгерд, пока подавала умываться, он всю ночь провел в святилище Тюрсхейм, а после этого он всегда по полдня отсыпается.

– Бергвид хёвдинг всегда, как подерется с кем, так без сил остается, хоть бери его голыми руками! – говорила Халльгерд. – Морские великанши и Ньёрд дают ему силу для битвы, а потом забирают обратно, вот он и остается без сил. Ложку до рта едва донесет, хоть корми его, как малого ребенка...

Очевидно, этой женщине грозный Бергвид Черная Шкура не внушал ни уважения, ни даже боязни.

В девичьей тоже, как и в ее юной хозяйке, замечалось смешение роскоши и беспорядка: на стенах висели красивые ковры, уже изрядно запачканные, на подставках возвышались резные ларцы, со вставками из узорной кости или драгоценных металлов, но почти у всех на резьбе виднелись следы взлома. Вода для умывания ждала в кувшине старинной уладской работы, с широкой бронзовой чашей (чье-то родовое сокровище, если не из кургана). Бока чаши украшала вереница бегущих оленей, и крышку кувшина венчала

литая, позолоченная фигурка оленя с гордо поднятой рогатой головой. В этой фигурке было столько достоинства и в то же время дикого, чисто божественного обаяния, что даже на крышке умывального кувшина он смотрелся независимо и величественно, как сам Солнечный Олень, воплощение Рогатого Бога, на вершине Мировой Горы. В ней сразу узнавалась рука древнего уладского мастера, который творил для самого бога, стремился к невозможному совершенству, не боясь своей дерзости – и, устремляясь к богу, сам становился им. Он стал бессмертным в своей работе, а значит, богу угодна эта деятельная дерзость. Глаз отдыхал на золотой фигурке, и душа Ингиторы безотчетно отдыхала, словно она в этом гордом олене видела саму себя. И она ведь стремилась к своему совершенству, бежала, как та лань через чащу к Пылающей Двери ежегодных обновлений. Так в каждом человеке его истинное «я», однажды проснувшись, пускается бежать через Подземный Лес неведения, страхов, заблуждений и ошибок; оно бежит, задыхаясь, теряя силы и надежды, но в глубине души зная, что однажды ступивший в этот темный лес непременно выйдет к свету новой жизни. В настоящей тьме останется только тот, кто в Лес Испытаний никогда и не вступал...

После еды Ингитора сидела в гриднице с хозяйкой. Йомфру Хильда и сегодня нарядилась, как на пир: в голубую рубаху и в желтое платье, сшитое по-уладски, с короткими широкими рукавами. Платье оказалось ей широко, бока ушива-

ли неумелые руки, так что полосы тесьмы неправильно сходились. Рукава рубашки тоже были широки, и теперь Ингитора поняла, почему фигура Хильды выглядит роскошной и при этом несуразной – она была одета богато, но с чужого плеча. И чтобы понять происхождение этих вещей, не требовалось обладать мудростью Одина. Множество браслетов и перстней, слишком тяжелых для ее маленьких рук, явно мешали Хильде, поэтому, хотя какое-то шитье для приличия лежало рядом, она ничего не делала.

Гораздо больше она была расположена поболтать, чем напомнила Ингиторе кюну Асту. О кюне Асте и о йомфру Вальборг Хильда расспрашивала с большой живостью, и вообще ее очень занимали привычки и порядки знатных людей. Серебряные бубенчики на ремешках башмаков Ингиторы привели ее в восторг, и она тут же захотела такие же. Все ее поведение колебалось между попытками хранить гордое достоинство и жгучим любопытством, и Ингитора дивилась: она никогда еще не видела такой диковатой утонченности. Теперь, приглядевшись к ней, глазам, Ингитора поняла, что Хильда не так уж юна, как казалась на первый взгляд, и ей не шестнадцать, а скорее двадцать лет и они ровесницы.

– Меня зовут Хильдой Отважной, потому что еще пять лет назад, когда у нас шла война между хёвдингами и моим братом Бергвидом – тогда он еще назывался Бергвидом конунгом, – я сама ездила от них к нему и уговорила его встретиться с хёвдингами в святилище Хестирнэс – это на озе-

ре Фрейра, где родовая усадьба конунгов, — охотно рассказывала йомфру Хильда. Она откровенно радовалась случаю поболтать с новым человеком, тем более с девушкой, такой знатной и прославленной! — Теперь мой брат владеет ею и называется хёвдингом Фрейреслага. А если бы я не склонила его к этой встрече, возможно, война продолжалась бы и поныне и на всем полуострове не осталось бы живого человека.

— Это замечательный подвиг, — несколько растерянно отвечала Ингитора, не зная, верить ли ей. — Тем более что ты, наверное, была тогда совсем юной...

— Мне едва исполнилось тогда пятнадцать лет! — явно гордясь собой, отвечала йомфру Хильда. — Но ведь настоящее благородство не имеет возраста!

Ингитора дивилась, слушая эту похвальбу, и не знала, что иной йомфру Хильда едва ли могла быть: склонность к хвастовству жила в крови у этой породы. Большим хвастуном был ее отец, Вебранд Серый Зуб, сын оборотня и тоже, кстати, морской конунг, а ее мать, Далла из рода Лейрингов, тоже придерживалась исключительно высокого мнения о своей особе и не хвасталась только по недостатку воображения. Лицом Хильда напоминала скорее мать, хотя не слишком сильно: волосы у нее были гораздо светлее, с желтоватым оттенком, лицо вытянутое, продолговатое, брови тонкие, нос прямой и острый. Сходство отмечалось только в красивых глазах, в нежном румянце на белой коже и еще в самом выражении лица: немного капризном, притворно-наивном и при-

том самоуверенном. Но, в отличие от Даллы, Хильда была менее занята собой и более любопытна к людям, как к мужчинам, так и к женщинам.

Обе линии, материнская и отцовская, составляли гордость йомфру Хильды, но она предпочитала не вспоминать, что во время ее рождения ее мать жила в доме отца в качестве рабыни и сама она, Хильда Отважная, по закону получила свободу в возрасте пяти лет, когда погиб ее отец. Ни отца, ни матери она почти не знала, поскольку еще совсем маленькой ее отдали на воспитание. Она осиротела в пятилетнем возрасте, а после того воспитывалась у самых разных людей, пока не сделалась «Хильдой хёвдингом», не обосновалась на совершенно разоренном и опустошенном Остром мысу и не принялась хозяйничать, как умела. Ущербность ее происхождения заставляла ее всячески подчеркивать знатность обоих своих родителей, но вот научиться мыслить и вести себя по-благородному ей было негде. Знатных мужчин она видела нередко, поскольку многие вожди и даже конунги Морского Пути останавливались у нее по пути мимо Острого мыса, но из знатных женщин она не виделась ни с кем, кроме своей сводной сестры Хлейны, и взять за образец ей было некого. Вот почему появление в ее доме Ингиторы, знатной и образованной девушки, дочери законоговорителя, жившей в усадьбе конунгов, взволновало и обрадовало ее. Хильда Отважная захлеб говорила, расспрашивала, но редко дослушивала ответ до конца – рассказывать самой ей

наверилось больше. Проживая на оживленном морском перекрестке, она много знала о чужих делах и обо всех событиях, происходящих даже в очень отдаленных от Острого мыса землях.

– Бергвид хёвдинг, мой брат, очень почитает меня, он верит, что во мне воплотился дух нашей общей матери! – рассказывала Хильда. Иногда, увлекшись, она принималась грызть ногти, но потом, опомнившись, поспешно вытирала пальцы о платье, изо всех сил желая держать себя как подобает. – Ведь так может быть, да? Ведь духи предков вселяются в потомков, ты же знаешь?

– Конечно, так и есть, – с некоторым недоумением отвечала Ингитора, не зная, как лучше прояснить путаницу ее понятий. – Но ведь твоя мать умерла, когда тебе было уже пять лет, ты говорила? Значит, ее дух не мог вселиться в тебя, ведь не могли вы те пять лет иметь один дух на двоих! Обычно считают, что в младенца вселяется тот из предков, кто умер последним. Дед, дядя, прадед, или даже отец, если он не дожил до рождения сына. Поэтому так много людей носят имена деда или прадеда. А еще... Я не совсем уверена, я слышала в Эльвенэсе от одной уладки, но она тогда еще плохо говорила по-нашему и у нее очень путано выходило. Короче, вроде бы улады и эринны верят, что в младенца вселяется душа не последнего умершего, а та душа, которая прожила какое-то время на луне и обдумала все, чему научилась в предыдущей жизни. После этого она готова снова вселить-

ся в тело. И чтобы понять, чей дух в тебя вселился, и вспомнить свои прежние жизни, надо учиться этому у жрецов.

– И долго учиться? – серьезно спросила йомфру Хильда, сосредоточенно слушавшая, подперев маленький подбородок маленькой белой ручкой в перстнях.

– Лет двадцать, – так же серьезно ответила Ингитора, посмеиваясь в душе.

Почувствовать чему-нибудь йомфру Хильде было бы не вредно, но едва ли стоило начинать с перевоплощения душ.

– Двадцать лет я не могу. Я же не могу оставить мою округу и моего брата Бергвида. Лучше ему не говорить про то, что дух нашей матери не мог... Он все равно не поймет. У него голова занята только мстью. Какая ему разница? Все равно же во мне живет кто-то из наших предков, мать или не мать, какая разница?

Ингитора легко с ней согласилась: она вовсе не горела желанием просвещать Бергвида. Ей очень хотелось вообще больше никогда его не видеть.

* * *

Вечером снова затеяли пир, и Бергвид все-таки явился. Увидев Ингитору, он словно бы удивился, но потом вспомнил, кто она такая. Сейчас он казался спокойным, гораздо спокойнее, чем вчера: похоже, только запах свежей смерти воодушевлял его и вливал в жилы лихорадочную, горячеч-

ную мощь. Сейчас его глаза были темны и равнодушны, от вчерашнего безумного огонька не оставалось даже искры, но, если он смотрел на Ингитору, она ощущала его взгляд, как какой-то темный луч, обжигающий ее лицо.

Теперь она заметила женщину, сидевшую с ними за женским столом. Кроме них с Хильдой, тут находилась только фру Ауд, бывшая воспитательница хозяйки, рослая и дородная женщина с озабоченным круглым лицом, и эта, четвертая: миловидная, с рыжеватыми бровями и ресницами и розовым тонким румянцем на щеках. Одета она была в тяжелый плотный шелк с золотой вышивкой, явно уладской работы, судя по узорам, а на шее ее сверкало золотое ожерелье из тех, что сама Ингитора везла для выкупа за Эгвальда ярла – как видно, подарок Бергвида. Несмотря на такой почетный дар и богатый наряд, рыженькая держалась в стороне и вела себя очень тихо. И было заметно, что она ждет ребенка. Встречая взгляд Ингиторы, та смущалась и опускала глаза.

– Кто это? – тихо спросила Ингитора у йомфру Хильды, и хозяйка слегка сморщила нос:

– Это Одда. Рабыня моего брата Бергвида. Она досталась ему в наследство от его жены Хильдвины и жила у него в усадьбе Конунгагорд. А теперь она беременна, и он всюду стал возить ее с собой. Боится оставить свое сокровище!

– Хотя как раз теперь бы и не стоило, – вставила озабоченная фру Ауд.

– Он вроде даже говорит, что она теперь его жена, но это,

конечно, того... – Хильда слегка покрутила растопыренными пальцами возле уха, не решаясь вслух назвать решение «Бергвида хёвдинга, моего брата» просто дурью. – Ты же понимаешь, что рабыня не может быть женой сына конунга! Но приходится мне ее терпеть! Не могу же я пойти против воли Бергвида хёвдинга, когда он мой гость. Хотя и ему не помешало бы побольше считаться с моей честью и не сажать со мной за стол кого попало! Его постель – это одно дело, там он волен делать что хочет и с кем хочет, хоть со своей Дагейдой, хотя она, я думаю, вообще не женщина! А мой стол – совсем другое дело, и я хочу, чтобы он выглядел достойно!

– А какого она происхождения? – спросила Ингитора и тут же испугалась, что этот вопрос может быть понят как намек на происхождение самой Хильды.

Кстати, йомфру Вальборг и кюна Аста никогда не стали бы обсуждать подобных вещей во всеуслышанье, но бедняжка Хильда слишком привыкла быть всегда в обществе мужчин и слушать мужские разговоры.

– А никакого! – Та не заметила намек. – Рабское отродье. Хильдвина привезла ее в приданое, она тогда была совсем девчонкой. А потом Хильдвина сбежала от Бергвида, а с собой взяла не всех, у нее лошадей не хватило, Одду и еще кое-кого оставила. Она теперь замужем на Вигмаром Лисицей, хёвдингом Ярнеринга.

Одда, понимая, что разговор идет о ней, опустила глаза еще ниже и даже отвернулась: видно, стыдилась того, что ее,

рабыню, посадили за стол как свободную, рядом с такими знатными женщинами.

– О чем вы там говорите? – крикнул Бергвид, заметив, что они обе переводят взгляды с него на Одду.

– Я объясняю йомфру Ингиторе, что ты, мой брат, мог бы получше думать о моей чести и не сажать за мой стол рабыню! – не смущаясь, ответила Хильда. – Ты мой гость, и я уважаю твою волю, но ты мог бы взять в толк, что здесь сидят за столом две знатные девушки и нам не к лицу есть из одного блюда с рабыней!

– Здесь две мои рабыни, а не одна! – сердито ответил Бергвид, и Ингитора похолодела от унижения, поняв, что он имеет в виду ее. – И за всяким столом, за которым я сижу, все будет так... – Тут он потерял ход мысли, потому что уже немало выпил, а умением говорить длинно он и в трезвом виде не отличался. – Все будет, как я хочу! – Эти слова он повторял в своей жизни так часто, что они всегда были у него наготове.

– И не знаю даже, кого ты имеешь в виду! – с деланным недоумением ответила йомфру Хильда. – Разве что меня – да, я рабыня моего родственного долга перед тобой, и из-за него я вечно терплю всякие беспорядки и неудобства! Сколько раз я просила и умоляла тебя не вступать в бой ни с кем перед Острым мысом, перед моим домом! Здесь «мирная земля», священное место, и тот, кто проливает здесь кровь, оскорбляет Фрейра, именем которого мы клялись соблюдать мир между хёвдингами! Но разве ты слушаешь меня? Не да-

лее как вчера ты снова погубил корабль с людьми. И опять трупы будет выносить прибоем чуть ли не к самому порогу дома, и толпы мертвецов будут ходить здесь ночами, пугая людей! Мало нам четырех колдунов, которые...

– Замолчи! – крикнул Бергвид. – Я не терплю попреков! Не терплю ни от кого, не терплю от женщин! Все женщины только и знают, что упрекать! Вы все не умнее селедки!

– Но это еще не повод, чтобы равнять дочь твоей матери с рабыней! – Хильда подбородком показала на Одду, которая готова была спрятаться под стол от стыда, что из-за такого ничтожества, как она, великий герой Бергвид ссорится со своей знатной сестрой.

– Одда – моя жена, поскольку у нее будет мой ребенок! – надменно заявил Бергвид. – Я назову его Стюрмиром, в честь моего отца, и этот мальчик станет наконец конунгом квиттов, как того требует его род! И не упрекай меня в том, что я убил... Не тебе упрекать меня в этом, дочь моей матери! Все это я делаю для ее чести! Для ее торжества! Я дал клятву вымостить головами моих врагов всю дорогу до престола Хель! Все они – спутники моей матери! Всех их она возьмет с собой! У нее будут достойные проводы, как у жены конунга! Она не получила погребения, достойного... достойного жены и матери конунга... Ее могилу поливает дождь... там выросла трава... там нет даже надгробного камня, и... и я приказал поставить поминальный камень по ней на берегу озера Фрейра! Я хочу, чтобы ты сложила хвалеб-

ную песнь о ней, и я прикажу выбить ее рунами на камне! – Он протянул руку к Ингиторе, словно она могла прямо сейчас вложить туда требуемую песнь.

А она содрогнулась: его прямой взгляд, его требовательное движение ударили ее словно копье – столько силы выплеснулось сейчас из его руки.

Длиннобородый Браги! Вот уж чего она не собиралась делать, так это складывать поминальных песен по матери Бергвида Черной Шкуры! Но, как говорится, краток век у гордыни!

– Я не помню моего отца! – восклицал он. – Его убили, когда мне был всего год от роду! Моя мать умерла в рабстве! Моя мать, моя мать, и другой мне не дадут даже боги! Она, дочь ярла, жила среди рабов целых десять лет! Она умерла за жерновом! Вот, смотри!

Бергвид вытащил из-под рубахи что-то блестящее, какой-то амулет, висящий на шее, и, соскочив со своего места, в несколько стремительных шагов приблизился к сидящим женщинам. Ингитора вздрогнула, Хильда осталась спокойна: она привыкла к вечернему буйству своего брата.

– Вот, это подарил ей хозяин! – кричал Бергвид, потрясая перед лицом Ингиторы кулаком, в котором сжимал зеленые стеклянные бусы: украшение для женщины не из самых богатых. – До самой смерти у нее было только это, у нее, рожденной носить золото! С ними она умерла! И я буду носить их до самой смерти!

Он тяжело дышал, все черты его лица пришли в какое-то дикое движение, словно вот-вот это обличье спадет и из-под личины человека покажется дракон. И для утоления мстительной жадности этого дракона Бергвид на деле вымостит человеческими головами дорогу в Хель. А дорога эта бесконечна...

Кто-то из хирдманов набросил ему на плечи плащ из черной шкуры Ньёрдова быка, и Бергвид дрожащими руками стянул его концы на груди, как будто ему было холодно. Его билa крупная дрожь.

– Ты не устал? – вдруг спросила Хильда. – Ты утомлен, хёвдинг, брат мой. Тебе пора отдохнуть.

Бергвид вдруг упал на колени, склонился головой на руки и зашептал едва слышно, и голос его дрожал и прерывался:

– Да, да, я устал! Как я устал! Всю жизнь я нес это все один! Если бы только не *она*...

Ингитора с трудом сдержала желание отодвинуться и закрыть лицо руками, чтобы не видеть той груды обломков на полу, в которую превратился грозный морской конунг. Ей было противно и страшно: этот внезапный приступ жалости к самому себе у Бергвида Черной Шкуры казался ей грозящим какими-то чудовищными последствиями. Этот человек напоминал ей тяжелый камень, подвешенный на веревке и качающийся из стороны в сторону, от ярости к тоске, но и то, и другое у Бергвида было чудовищной силы. И чем сильнее толкнуть камень, с тем большей силой он вернется и ударит.

Бергвид вдруг сел прямо и повернулся к Ингиторе. Лицо его стало спокойным: охапка хвороста сгорела.

– Я подарю тебе голову Торварда, – сказал он. – Это будет мой свадебный дар, когда ты будешь моей женой. Мне не пристало продолжать род через детей рабыни. Род Стюрмира конунга... должен быть... Ты – знатного и благородного рода, и ты будешь подходящей матерью для... Мой сын, новый Стюрмир конунг, не будет упрекать меня, что я сделал его сыном рабыни...

Похоже, он воображал, будто в его власти перенести неродившегося ребенка рабыни Одды в тело йомфру Ингиторы, раз уж женой его станет не та, а эта. Но говорить об этом было бесполезно: Бергвид жил в собственном мире, диком и страшном, искаженном, полном ненависти, горькой обиды, боли, одиночества. А чего там не имелось, так это ясного и здравого рассудка.

Голову Торварда конунга... в свадебный дар! Ей это уже обещали, и когда-то она радовалась такому обещанию! Но только сейчас, видя перед собой Бергвида, Ингитора вообразила этот «дар», и ей стало мерзко. Голова! Окровавленная, волосы перепутаны и слиплись, а лицо мертво и настолько страшно, что черты его нельзя разобрать. «Не хочу!» – решительно сказал голос внутри нее, и она едва удержалась, чтобы не произнести этого вслух. Ей казалось, что только здесь, на Квиттинге, возле Бергвида, она стала понимать, что такое месть. Раньше она думала только о чести своего рода,

которую должна была очистить кровь убийцы, но теперь ей стало ясно, что кровь не может очистить ничего. Тот, кто желает смерти другому, самым этим желанием убивает себя. Призвавший смерть, открывший ей дорогу сам попадает в ее лапы. Тысячи смертей съели Бергвида, и хотя он еще ходит по земле, дух его давным-давно находится в темных селениях Хель, где пища зовется Голодом, а насытиться такой пищей, как известно, невозможно. Это сама Хель, ненасытная и вечно голодная, говорит его голосом, сама Хель жаждет новых и новых жертв.

* * *

После этого приятного обещания Ингитора сразу ушла в девичью. Она вспомнила намек Бергвида на то, что здесь *две* его рабыни, и ей не хотелось дать ему повод вспомнить об этом самому. Конечно, ее, Ингитору дочь Скульвира, невозможно равнять с рожденной в рабстве Оддой и даже с его матерью Даллой, которая была *продана* и тем самым действительно стала рабыней. Но от Бергвида следует ждать самого худшего, и продавали ее или нет – мало что изменит.

Рабыня Хальгерд помогла ей умыться и лечь. В девичьей еще было пусто, все служанки занимались делами в кухне и в гриднице. Горел только маленький светильник с тюленьим жиром, и Ингитора стала засыпать. Но сквозь наступающий сон ей вдруг померещилось какое-то движение рядом.

Сильно вздрогнув, словно проваливаясь куда-то, она открыла глаза и увидела возле себя Одду. Та стояла перед лежанкой, внимательно глядя на нее, и Ингитора в первое мгновение подумала, что та пришла ее убить как соперницу. Ингитора села, и Одда, увидев, что она проснулась, отшатнулась в испуге. Никакого оружия при ней не было, зато в двух шагах стояла Халльгерд и суровым шепотом приговаривала:

– А я тебе что говорю, дура ты! Уходи, не мешай йомфру! Ну, вот, разбудила! Прости ее, йомфру, она глупая, она хотела только посмотреть на тебя! Я уж ее гоню, гоню...

– Не надо! – Ингитора остановила Халльгерд. – Что ты хочешь? – спросила она у Одды.

Та помялась, теребя край передника.

– Я только хотела... хотела сказать... Ты не знаешь, йомфру, какой несчастный человек Бергвид конунг! – вдруг воскликнула она, и Ингитора удивилась, что эта робкая женщина способна говорить так горячо. – Я хотела тебе сказать: нужно его пожалеть! Он же не виноват! Он хочет взять тебя в жены, но я же вижу, ты не любишь его, и я хочу, чтобы ты знала: его нужно пожалеть! Все правда: я – рабыня, и мой сын не может быть конунгом, это было бы только хуже для него, потому что все стали бы презирать и дразнить его. Ты – другое дело, ты знатного рода, ты можешь быть матерью конунга. Но только ты не... Ты должна знать...

Она запнулась, сильнее затеребила передник, и было похоже, что она сейчас заплачет.

– Сядь, – Ингитора показала ей на приступку своей лежанки.

– Садись, дура! – Халльгерд чуть ли не силой усадила Одду. – Что ты! Ну, вот, еще разревется сейчас! А ребенок! Ну, тихо! Говори, раз уж йомфру позволяет! Только не реви!

Одда шмыгнула носиком, но справилась с собой. Ингитора ждала, чем все это кончится: носящая конунгова внука, разряженная, как кюна, но сохранившая все привычки рабыни, Одда вызывала у нее самые противоречивые чувства, и жалость, и брезгливость, и внутреннее чувство униженности – ведь ее, Ингитору, хотели сделать преемницей этой рабыни!

– Бергвид конунг, он такой несчастный человек! – повторяла Одда, подергивая порозовевшим носиком и терзая свои мозолистые пальцы, сложенные на коленях. – Он же ни в чем не виноват! Ему был всего год, когда Стюрмира конунга убили, и только три годика, когда его мать попала в рабство! Что он мог сделать, такая крошечка! Он же не понимал ничего! Он вырос и стал совсем взрослым, и думал, что он раб, и что он сын Вебранда, того хозяина, где они жили, а ему дочь только одна йомфру Хильда. А потом его мать рассказала, когда он вырос, что он сын конунга! Там были одни люди, и его родич Хагир хёвдинг из Нагорья, и еще другие, они привезли его на Квиттинг, и помогли, чтобы его признали конунгом. У него даже было войско, и на тинге его признали, как полагается. Но всякий может его попрекать тем раб-

ством, а разве он виноват!

– Но он давно уже не раб! – ответила Ингитора на эту бессвязную речь, которая усилила в ней все ее чувства: и жалость, и брезгливость к ним обоим, к Одде и Бергвиду.

– И теперь он хочет мстить! А они все говорят, что это не нужно, что от мести только постоянные войны, и разорения, и все такое! А что же ему делать! Фьялли убили его отца, и продали мать, а слэтты не спасли ее, оставили фьяллям! И сам он был в рабстве. Как же ему не мстить, ведь у него нет другого способа вернуть свою честь! А они говорят: не надо! И они все ненавидят его, и отняли у него звание конунга, и теперь он Бергвид хёвдинг, и ему так тяжело, что его поставили вровень со всякими, с Вигмаром Лисицей, который такого низкого рода, а сам хочет стать конунгом и стать выше Бергвида! И даже йомфру Хильда, хоть она такая добрая и терпит, что я... даже она зовет его только Бергвид хёвдинг, чтобы, дескать, он был не выше нее самой, а ей нравится, что она...

– Тихо, молчи! – Ингитора устала прислушиваться к этой путаной захлебывающейся речи и махнула рукой. – Я это все слышала от него самого, не надо мне этого повторять!

– Да, да, я про другое! – Одда испугалась, что ее прогонят и не дослушают. – А сейчас вроде бы все стало лучше! Вот, потому что я... – Она положила руку на свой живот. – Потому что раньше... У Бергвида конунга никогда не было детей. Еще когда его женой была фру Хильдвина, моя хозяйка, у

нее тоже не было, и он говорил, что она виновата, а она говорила, что на него наложили заклятье, чтобы не мог иметь детей. Ни от кого. Она потом ушла от него, и теперь у нее есть мальчик от Вигмара Лисицы, значит, она и правда была не виновата. Потом он хотел жениться еще на девушке, я ее не знаю, я ее не видела, она у нас не была, это он ездил к ней куда-то к Раудберге, но потом она убежала от него и вышла за... за сына вашего конунга. И еще раньше, когда он только приехал из-за моря, у него еще была невеста, но она забеременела от... Здесь был виноват Хагир хёвдинг. Женщины так много обманывали Бергвида конунга, вот он и думал, что...

Одда наконец замолчала, задохнувшись от своей длинной и путаной речи: чистить котлы она явно умела лучше, чем говорить. А Ингитора подумала, что очень и очень понимает всех тех женщин, которые обманывали Бергвида Черную Шкуру и убегали от него к Хельги ярлу, к неведомым ей Хагиру, Вигмару Лисице, хоть к пещерному троллю.

– Его боятся, его ненавидят, а никто не хочет его пожалеть! – прошептала Одда, явно борясь со слезами. – Я прошу тебя, йомфру, если ты будешь его женой, пожалей его хоть немного!

– Ах, лучше тебя этого никто не сделает! – в досаде воскликнула Ингитора. – Глаза б мои его не видели!

– Иди, иди спать! – Халльгерд подняла Одду с приступки и толкнула в угол, к лежанке рабынь. – Тебе нельзя так много

егозить! Лежи себе!

Ингитора снова легла и отвернулась от света. Все это произвело на нее очень странное впечатление. Воистину велика сила богини Фрейи, если даже к такому чудовищу, как Бергвид, кто-то почувствовал нежную любовь! Его бояться и ненавидят, и он все это заслужил, но никому не приходило в голову пожалеть человека, который вечно причиняет страшное горе другим. «Разве он виноват?» Он не виноват, что в трехлетнем возрасте попал в рабство. Но Ингитора не была очень жалостливой и видела разницу между Бергвидом и его же сестрой Хильдой. Хильда тоже родилась в рабстве. Но она не пытается мстить за дела Торбранда конунга мирным путешественникам, которых там и близко не стояло! Люди виноваты и перед Бергвидом, это верно. Но это не снимает с него той вины, которую он взваливает на себя своими собственными, добровольными и осознанными делами.

Добровольными? Осознанными? Разве это добрая воля – что он вынужден подчиняться злему духу, завладевшему его душой? Разве он осознает, что правит им дракон Нидхёгг? Есть ли виноватые в том, что он, рожденный конунгом, вырос рабом, а потом снова стал конунгом и теперь вынужден соединять в себе то и другое? Нет уж, если сам он не может решить, кем ему жить, рабом или конунгом, то в этом виноватых нет!

Когда Ингитора опять проснулась, в девичьей снова ощущалось движение и звучали тихие голоса. Халльгерд,

Аудвейг и еще кто-то из женщин толпились возле лежанки Одды. Йомфру Хильда приподнялась на локте и тоже смотрела туда. Слышалось тихое постанывание. У Ингиторы мелькнула мысль, что Одда рождает, но это было маловероятно: до срока ведь оставалось еще месяца три, если не четыре.

– Да разбудите ее! – крикнула Хильда. – А то мара ее задушит!

– Я ей кладу нож под подушку! – сказала Халльгерд, разлохмаченная, в одной серой рубаше, сама похожая на ведьму. – Чтобы отгонять от ребенка мар и прочую дрянь. Ну, Одда! Проснись! Что ты мечешься? Фригг и Хлин с тобой! Проснись!

Одда сильно вздрогнула, вскрикнула и открыла глаза.

– Это я, Халльгерд! Я не мара! Что с тобой? Чего ты стоишь? Тебе плохо? Вот тут фру Ауд, она тебе поможет, она умеет лечить.

– Я... Я кричу? – растерянно удивилась Одда. – Разве... Нет...

– Тебе что-то снилось?

– Да. Мне снилось. – Одда вдруг села на лежанке и вцепилась в руку Халльгерд. Она дрожала, и женщины торопливо укутали ее одеялом. – Так страшно!

– Что страшно? Расскажи, тебе станет легче.

– Я опять увидела тот сон. Он уже был. Ко мне приходит по ночам злобный дух!

«Уж не Бергвида ли она имеет в виду?» – подумала Ин-

гитора.

– Этого еще не хватало! – заговорили женщины.

– Значит, ножа под подушкой мало!

– Надо вырезать ей рунную палочку, чтобы отгонять духов.

– Надо спросить у Гуннрид из Лисьего Мыса, она знает много всяких заклятий!

– А на что он похож? – спросила любопытная Хильда. – Что он тебе делает? Душит?

– Он ничего мне не делает, – ответила Одда. – Просто приходит. Он похож на мальчика, у него светлые кудрявые волосы и голубые глаза. Но они так злобно горят, как стальные клинки. Он весь в крови, и в руке держит огромное копье, выше его ростом. У копья весь наконечник в крови, и по древку течет кровь. И у мальчика такая огромная рана в груди, прямо посередине. И вся грудь в крови, и подбородок... Я боюсь!

Лихорадочно и бессвязно выговорив все это, Одда разрыдалась, прижимаясь к Халльгерд.

– Это мое несчастье! – бормотала она сквозь слезы. – Это мой сын, которого я ношу! Он родится мертвым! Или я сама умру! Я умру, я знаю! Нам всем не будет счастья!

Ингитора думала, что всем, кто рядом с Бергвидом, на счастье нечего и надеяться. Добрая Ауд старалась успокоить Одду, говорила, что к смерти снится серый конь, а мальчик с копьем обещает ее сыну славное будущее, что он вырастет

великим воином и прославит род. Постепенно Одда затихла, ее уложили, показав нож под подушкой и уверив, что вся нечисть боится ножа и больше злобный дух к ней не придет. А Ингитора до самого утра больше не спала: события вечера и ночи обострили ее тревогу, и теперь мерещилось, что всех их ждут у самого порога какие-то страшные беды. Бергвид Черная Шкура притягивал столько зла к тому месту, где находился, что все его близкие были просто обречены.

* * *

Еще три или четыре дня прошло так же, а потом Бергвид со своими людьми собрался уезжать, чтобы дома достойно отметить священный день Середины Лета. Как ни трудно было представить, что у этого чудовища точно так же есть дом, как у всякого человека, но дом у него имелся – усадьба Конунгагорд, родовая усадьба квиттингских конунгов, расположенная на озере Фрейра. Там он проводил время между походами ради «мести своим врагам», как он называл свои разбойничьи выходы в море, когда грабил любые корабли, кроме квиттингских, и то потому, что ему не хватало сил выдерживать постоянную войну с шестью другими хёвдингами.

– У Дага Кремневого очень много людей, целое войско, и он может выставить с Восточного побережья целую сотню кораблей! – рассказывала Хильда, которая в этих делах разбиралась очень хорошо. – Хагир тоже разбогател на своем

железе, у него тоже большая дружина. Остальные послабее, но они все под рукой Вигмара Лисицы: Вильбранд из Хетберга – брат его последней жены, а Лейкнир из Кремневого Склона – муж его дочери. И Тьодольв из Можжевельника тоже с ним в родстве, я уж не помню как. И у них, я знаю, есть еще союз против нас, хотя это и не вполне честно. Все восемь хёвдингов поклялись именем Фрейра быть в мире между собой, но те шесть еще отдельно поклялись, я знаю, вместе выступить, если мой брат Бергвид выступит против кого-то из них.

Эта предосторожность казалась Ингиторе более чем оправданной. Может быть, неизвестный ей Вигмар Лисица, главарь этого «заговора», и был честолюбив, жаден и коварен, но хуже Бергвида он едва ли мог быть.

В день перед отъездом Бергвид хёвдинг явился в гридницу, где его сестра в это время сидела со своими служанками, болтая с Ингиторой. Помня свой обет, Ингитора тоже не могла заниматься рукодельем, и это казалось Хильде очень кстати. Судьба Ингиторы представлялось ей похожей на сагу, и она откровенно завидовала новой подруге, которая благодаря своей вражде с конунгом фьяллей так прославилась на весь Морской Путь. Правда, о самом Торварде конунге она говорила гораздо охотнее, чем о других участниках событий, и Ингитора очень быстро поняла, что Хильда так увлекается ее делами отнюдь не только из сочувствия. Да и в делах самого Торварда ее привлекали не только и не столько битвы...

– Торвард конунг – он такой красавец! – восклицала Хильда, и глаза ее блеснули непонятным Ингиторе и даже неуместным воодушевлением. – И шрам на лице его не так уж и портит – если чуть-чуть привыкнуть, то ничего и не замечаешь! Да это еще что! На груди у него такой шрам – вот такой! – она провела рукой вдоль своего тела с левой стороны. – И он почти свежий, увидишь – вздрогнешь!

– Он что... часто здесь бывает? – неохотно спросила Ингитора, больше из вежливости, чем из желания поддерживать этот разговор.

И откуда Хильда знает о шрамах, которые у Торварда под одеждой? Эта мысль выскочила сама собой, но Ингитора с досадой выставила ее из головы прочь.

Она чувствовала себя в долгу перед Хильдой за гостеприимство, но та, право же, могла бы понять, что неуместно расхваливать красоту человека, который причинил ее гостье столько зла.

– Ну, раз в год я его обычно вижу, а бывает, два или три! – Хильда самодовольно усмехнулась, и чем небрежнее она старалась об этом говорить, тем лучше было видно, как распирает ее гордость от знакомства со столь знаменитым человеком. – Он обычно останавливается у меня, если плывет дальше на юг, в Винденэс или еще куда-то. Видела в девичьей бронзовую чашку для умывания и кувшин к ней, с оленем на крышке? Это он подарил в прошлом году, из его добычи.

Ингитора вспомнила кувшин с золоченым уладским оле-

нем, который сочла добычей Бергвида. И вдруг оказалось, что удовольствием любоваться кувшином она обязана Торварду конунгу.

– Он такой высокий, сильный и стройный – ну, просто Фрейр! – увлеченно болтала Хильда. – У него мускулы вот здесь, на плече, толще моей ноги, представляешь! Я его однажды спросила, сколько он весит, а он ответил: «Не раздавлю!» – представляешь!

Хильда весело смеялась, а Ингитора онемела, не веря своим ушам и не понимая, как можно радоваться, получив такой откровенно непристойный ответ. Сама она могла бы расценить подобное только как оскорбление, но ей в голову не пришло бы задать мужчине такой вопрос! Она и так увидела за эти дни, что воспитание бедняжки Хильды оставляет желать много лучшего, но чтобы настолько!

А впрочем... И сама хороша. В ее «злых песнях» про того же Торварда девичьей скромности было не много, хотя это, конечно, совсем другое дело. Ингитору подмывало ответить, что Торвард конунг весит четыреста шестьдесят пять марок (такое сокровище только в марках и завешивать!), но она промолчала, не желая углубляться в этот предмет. А для Хильды, на ее беду, как раз он и являлся самым привлекательным.

– Представляешь, он до сих пор не женат! – с восторженным упоением продолжал та. – Ну, не считая фрии Эрхины, но он про нее давно и думать забыл. На уладских островах

на него все подряд вешались, как им только не стыдно! Одна тамошняя дочь конунга его так домогалась, даже обещала навести на него порчу и на весь свет опозорить, если он ее не увезет с собой. Это Эйнар сын Асвальда рассказывал. А еще рассказывают... — Хильда странно посмеивалась с закрытым ртом, словно все же отчасти смущалась, но не могла сдерживать желания поделиться, — ну, это один его парень из дружины рассказывал моей Труде, а она мне. Когда он только в первый раз ходил на своем корабле с золоченым штевнем и с флюгером из чистого золота, ну, из той уладской добычи, он у него и сейчас на мачте, — про это было везде много разговоров, и все хотели посмотреть! Когда они проходили Скуглифьорд, ну, где живет Хедемунд ярл, то сама фру Бехольда, ну, ты знаешь, она дочка Альгаута конунга, тоже пожелала посмотреть! И пожелала, чтобы сам Торвард конунг показал ей корабль! И говорят, они долго оставались вдвоем в шатре на корме, а потом когда вышли, фру Бехольда была очень румяна и вид у нее был очень довольный.

Ингитора отворачивалась, изнывая от неловкости и досады, ей хотелось плакать и смеяться. После того как она произносила свои стихи перед Бергвидом Черной Шкурой, ей, право же, только того и не хватало, чтобы вникать в любовные приключения Торварда конунга, да еще в пересказе через третьи руки, через болтовню хирдманов и служанок! Что-то многоречивый Анвуд не упоминал ни о каких шатрах на корме, а жаль: может, это несколько охладило бы пыл

йомфру Вальборг и отучило бы так восхищаться врагом своего брата Эгвальда!

– Говорят, осенью он ездил в Винденэс посмотреть на дочку Рамвальда конунга. Похоже, не очень-то она ему и понравилась! – продолжала Хильда, с небрежностью пожимая плечом. – Ну, оно и неудивительно! Не знаю, кто ему угодит! Его же любит валькирия! Правда, я точно знаю, их роду покровительствует валькирия, и она иногда бывает любовницей какого-нибудь конунга фьяллей, ну, если он ей нравится!

Ингитора молчала, но теперь ей стало понятно, почему при виде девушки, у которой есть дело к Торварду конунгу, Хильда выразила свой вопрос как «что у тебя с ним было?» – ожидая рассказа в определенном роде.

От дальнейшего оскорбления чувств Ингитору спасло появление Бергвида: Хильда мгновенно замолчала, приняла независимый вид и даже взяла в руки свое шитье. Бергвид, конечно, не стал бы приветствовать болтовню об одном из его злейших врагов.

Ингитора отвернулась: сам воздух в его присутствии словно бы превращался в смолу, дышать при нем было трудно, и ее мутило от отвращения.

– Я уезжаю! Я собираюсь достойно отпраздновать Середину Лета и принести достойные жертвы в святилище на мысе Коней, – объявил Бергвид, тяжело опустившись на скамью.

Это намерение заслуживало самой горячей похвалы, и Ингитора одобрила бы его всей душой, если бы была увере-

на, что ей не придется при этом присутствовать.

– И ты поедешь со мной! – объявил он, глянув на нее своими бездонно-темными глазами. – Я принесу жертвы и в святилище объявлю тебя своей женой, чтобы потом никто не мог сказать, что... – тут он, как часто с ним бывало, потерял рассуждения и задумался. – Чтобы в законности рождения моего сына... не было потом сомнений.

Ингитора промолчала.

– Йомфру Ингитора поедет с тобой, если такова будет ее воля! – надменно ответила брату Хильда. – Но если это так, я буду *очень* удивлена!

– Она – моя пленница! – Бергвид начал горячиться, его ноздри задрожали. – Она будет делать то, что я захочу!

– Ты напал на нее на моей земле! – Хильда тоже повысила голос. – Ты сколько раз обещал мне, что перед Острым мысом больше не будет ни одной битвы!

– Но это фьялли! Это корабль самого Торварда! Я дал клятву не пропускать моих врагов и не пропущу!

– Я не знаю, кому ты давал такую клятву, а вот не трогать людей на моей земле ты обещал *мне*! И ты нарушил твое обещание! Все, кто на моей земле – мои гости, а мой дом зовется Мирной Землей! Никто здесь не вправе принуждать или чинить обиды! Я же терплю твою Одду у меня за столом! Если уж с корабля остался в живых только один человек, уж об этом человеке я позабочусь!

– Она моя! Я заберу ее!

– Попробуй только тронуть хоть что-нибудь в моем доме! – гневно крикнула Хильда и вскочила. – Ты дал клятву быть в мире со всеми хёвдингами, а значит, и со мной! Попробуй только тронуть что-то в моем доме, и тем самым ты нарушишь клятву! Попробуй только меня тронуть, и наша мать лишит тебя своего благословения!

– Ты хочешь быть заодно с моими врагами! – закричал Бергвид, тоже вскочив.

После этого в гриднице разыгралась длинная и шумная ссора, совершенно не приличная для людей такого происхождения, но естественная для отпрысков рода Лейрингов – правда, оба они этого не знали, так как не успели пожить среди своей материнской родни в ее семейном гнезде. Ингиторе очень хотелось убежать куда-нибудь от этого крика и множества взаимных обвинений, которыми сын и дочь кюны Даллы осыпали друг друга, не считаясь с присутствием дружины и челяди. Видно было, что эта ссора не является чем-то необычным, что подобные недоразумения тут случались и раньше, и оба противника хорошо знают, что им говорить. Йомфру Хильда являлась наилучшим соперником для своего неукротимого брата: она не боялась ни блеска его глаз, ни дико искаженного бледного лица, ни занесенных кулаков, ни крика, ни топота. Она знала, что он утомится раньше.

И правда: в конце концов Бергвид рухнул опять на скамью, уронив руки и свесив голову. Подвешенный камень опять качнулся от буйства к полному бессилию.

– Мы не будем нарушать мир между собой, как пристало детям одной матери! – со снисходительным торжеством сказала йомфру Хильда. – А йомфру Ингитора останется у меня в гостях, сколько ей будет угодно, и никто не вправе принуждать знатную девушку к чему-то в моем доме, который зовется Мирной Землей!

Но на этом Бергвид не успокоился. Ингитора сделала открытие, что иногда и он может рассуждать здраво, хотя ее это не обрадовало. Ему запало в мысли то соображение, что дети рабыни все же не годятся в наследники конунгов, и теперь, когда предполагаемое заклатье было преодолено, ему уже хотелось во что бы то ни стало раздобыть себе знатную жену. Но он понимал и то, что ни один хоть сколько-нибудь знатный человек в Морском Пути не захочет с ним породниться. Высокородные женщины, в отличие от мужчин, слишком редко выходят в море, где он мог бы их заполучить. В этом отношении Ингитора стала бы для него ценнейшей и незаменимой находкой.

День за днем, отложив отъезд, он добивался от сестры согласия отдать ему его добычу, то гневался, то умолял и заклинал памятью матери. Йомфру Хильда страдала, видя брата в таком расстройстве, но держалась твердо. Она не могла не видеть, что при одном звуке Бергвидова голоса лицо Ингитора искажается от отвращения, и не могла предлагать ей породниться, хотя тоже понимала, насколько лучше Бергвиду раздобыть себе в жены знатную женщину. Ведь те-

перь враги могут называть его «раб и муж рабыни»! Бергвид внушал ей заботу о чести рода, но свою собственную честь Хильда ценила еще выше и не поддавалась.

— Род не оставил мне в наследство ни-че-го! — отчеканила она, когда Бергвид завел об этом речь. — Ни имени, ни костяной пуговицы, ни горсти земли! Все, что я имею, я добилась сама. Мой дом славится как мирная земля, и я не потерплю обид и принуждений! Этого требует моя честь, а значит, и честь рода! Того рода, из которого я происхожу, и того, которому положу начало!

Однажды Бергвид вызвал сестру из девичьей ранним утром, еще пока даже служанки спали. Видимо, за ночь ему пришла какая-то мысль. Разговор шел все о том же: Ингитора слышала из гридницы громкие голоса Бергвида и Хильды, потом вдруг наступила тишина. Это было странно. Ингитора соскочила с лежанки и подбежала к двери, не смущаясь присутствием служанок: речь шла о ее судьбе.

— Ты видишь, на какую жертву я готов пойти! — услышала она через дверную щель дрожащий голос Бергвида. Кажется, он плачет. — Я готов, готов на жертву! И ты не можешь мне отказать. Пусть! Я готов примириться с Вальгейром, пусть он живет в твоей усадьбе, я все стерплю! Я даже готов сесть с ним за один стол, но ее ты должна мне отдать!

Ответом ему была тишина. Через некоторое время дверь перед лицом Ингитора скрипнула и отъехала назад и перед ней оказалась Хильда, погруженная в задумчивость, в какой

Ингитора ее еще не видела.

Увидев перед собой Ингитору, Хильда не удивилась.

– Кто такой Вальгейр? – спросила Ингитора, поскольку не было смысла скрывать, что она подслушивала.

– Это мой возлюбленный! – несколько оживившись, ответила йомфру Хильда. Знатной женщине, имеющей одно имя с валькирией, возлюбленный необходим, как Сигурд Брюнхильде. – Он сын Вигмара Лисицы, законный сын, не то что эти парни, которыми у него полон дом! Законных сыновей у него только трое, и Вальгейр – средний. Мы любим друг друга уже пять лет, с тех событий на озере Фрейра. Но все наши родичи против, они не хотят, чтобы мы поженились. То есть Хлейна и Хагир не против, совсем наоборот, но Бергвид Хагира терпеть не может и от их поддержки нам только хуже. Бергвид уже лет пятнадцать не может простить ему кубок, его называют Дракон Памяти, который Хагир у него украл. То есть Хлейна говорит, что все было наоборот, что это Бергвид украл кубок у Хагира. Ну, не знаю, Хагир ведь ее муж, вот она его и выгораживает. Ну, в общем, Бергвид, мой брат, слышать не хочет об этом браке, и сам Вигмар хёвдинг тоже.

– Почему? – спросила Ингитора и села на лежанку. Все служанки давно уже проснулись и слушали их, но йомфру Хильда, как видно, от своей челяди ничего не скрывала.

– Потому что они, Вигмар и Бергвид, ни за что на свете не хотят родниться между собой. Каждый из них считает другого своим злейшим врагом и твердит, что не узнает покоя,

пока не убьет его. Их сдерживает только наша клятва на озере Фрейра, иначе они каждый год ходили бы походами друг на друга и на всем Квиттинге давно не осталось бы живого человека! Они, то есть Бергвид и Вигмар, совсем по-разному думают, что нужно квиттам. И поэтому они не могут примириться, пока оба они живы. Бергвид, мой брат, даже думает, что Вигмар сам хочет стать конунгом. Но это невозможно, потому что в его роду нет никакой связи с конунгами, как же можно!

Хильда охотно рассказывала, не нуждаясь в вопросах, но Ингитора с трудом слушала и не вполне понимала ее. Все эти имена и события, для Хильды не менее достопамятные, чем сказания «Вёльсунг-саги», для нее не значили ничего, и она могла думать только о себе.

– И, значит, он сказал, что позволит тебе выйти за Вальгейра, если ты...

– Если я позволю ему увезти тебя. Но только я не позволю. – Хильда еще подумала, потом твердо кивнула. – Не позволю. Мне не очень-то нужно его согласие: я живу не в его доме, а в своем, и я сама себе хозяйка. Когда я решу, что настала пора выходить замуж, я обойдусь безо всяких разрешений. А тебя я не могу ему отдать. Скажи, ты ведь любишь Эгвальда?

– Да. – Ингитора кивнула, но едва ли она сейчас помнила лицо Эгвальда.

– Ну, вот! Значит, ты должна выйти за него. А Бергвиду

надо поискать другую жену, если уж она ему так нужна.

Вечером в гриднице Бергвид ждал ответа на свою «жертву».

– Я хочу услышать твой ответ, сестра моя! – произнес он, держа в руке свой тяжелый кубок. Он уже был слегка пьян к началу ужина, а теперь пил все больше. – Ты подумала о том, что... что я сказал?

– Я подумала! – Хильда выпрямилась и гордо вздернула свой носик. – Ты поедешь один, Бергвид хёвдинг, брат мой. Йомфру Ингитора останется у меня.

– Но ты должна же понимать, йомфру, как важно конунгу найти знатную мать своим детям! – принялся убеждать ее один из тех, кого Бергвид звал своими ярлами, Ульв по прозвищу Дубина. Ничего нового он, конечно, придумать не мог и просто повторял то, что устал повторять его вождь. – А Ингитора дочь Ске...

– У Бергвида, моего брата, было достаточно знатных женщин! – воскликнула Хильда, теряя терпение. – У него была невеста, Гуннфрида дочь Гунвальда! У него была жена, Хильдвина из рода Хетбергов! У него была еще одна невеста, Эйра дочь Асольва! Он не сумел удержать ни одну из них! Еще одна не поможет, если ему не судьба!

– Это Хлейна научила тебя так говорить! – в ярости закричал Бергвид и выронил кубок, так что он покатился по полу и звонко ударился о камень очага. – И ее муж Хагир, этот мерзавец! Это они научили тебя! И теперь ты забыла

память нашей матери, и я...

— У меня есть своя голова! — в такой же ярости закричала Хильда. Этот упрек окончательно вывел ее из себя. — А Хагир и Хлейна, если хочешь знать, говорили мне еще не то! Они говорили, что вполне в твоей власти было забрать нашу мать из Граннланда и не дать ей умереть в рабстве! Ты этого не сделал! И не смей упоминать ее! Ты сам ее предал!

— Это ложь! — Бергвид зарычал и завыл, как раненый зверь, и даже у Ингиторы возникло желание спрятаться, хоть под стол, чтобы этого не видеть. — Это он, Хагир! И этот подлец Гельд Подкидыш! И тот гад с Квартинга, тролль сын тролля, не хочу его вспоминать! Это они не взяли ее с собой!

— Они не были ее сыновьями! А ты был! И как только у тебя появились люди, дружина, корабль, ты должен был вернуться за ней!

— Как я мог вернуться, если там правил этот ублюдок Вебранд!

— Не смей так говорить о моем отце! — Хильда в ярости стукнула маленьким кулачком по столу. — Он был не хуже твоего, если хочешь знать! А ты — ты боялся его! Ты боялся показаться ему на глаза даже с кораблем и дружиной, потому что привык бояться его! Ты как был рабом...

Здесь йомфру Хильда все же опомнилась, резко замолчала, повернулась и выбежала из гридницы, пока с ее языка не сорвалось то, что говорить совсем не следует. Ингитора кинулась за ней.

– Мне так жаль! – говорила она, правда, не ощущая никакого желания пожертвовать собой ради примирения хозяйки с ее безумным братом. – Получается, что ты из-за меня так поссорилась с Бергвидом...

– Чепуха! – отрезала Хильда Отважная. Она была бледна и дрожала от возбуждения, но держалась твердо. – У меня есть и другая родня: Хагир и Хлейна. Хагир тоже со мной в родстве, он двоюродный племянник нашей матери. И я сказала правду, а если она ему не нравится, так пусть идет к троллям! Это правда, что он мог вызволить нашу мать, но оставил ее умирать в рабстве! Хагир говорил: тогда, если бы он взял ее, его лишили бы поддержки, потому что ее считали несчастливой женщиной. Но все равно... – Глаза Хильды вдруг наполнились слезами и она всхлипнула. – Он должен был ее забрать и освободить. И, может быть, тогда она не умерла бы, а жила бы с нами. И у меня тоже была бы мать!

Оскорбление оказалось слишком велико: Бергвид забыл об Ингиторе, он не пожелал ни мгновения оставаться под крышей сестры, которая оказалась не лучше, чем все те подлецы и предатели, которые всю жизнь его окружали. Тем же вечером, прямо из-за стола, он уехал, увозя Одду и прочих своих людей. Но Ингитора еще полночи не могла заснуть, не веря такому счастью: Бергвида больше нет под этой крышей, и можно надеяться, что она никогда его больше не увидит!

Глава 3

Несколько дней они отдыхали от пережитых волнений. Наступил и прошел день Середины Лета: йомфру Хильда торжественно принесла жертвы в святилище Тюрсхейм, потом они полночи гуляли, любуясь многочисленными кострами, разожженными вдоль всей прибрежной полосы, потом почти до утра у Хильды пировали все соседи. Хильда сама поднимала кубки в честь богов, упиваясь весельем и сознанием своей важности, а Ингитора не могла не грустить. Когда-то и ей было так же весело, нет, намного веселее, когда она встречала самый светлый день года у себя дома, в Льюнгвэлире, с отцом и матерью, с домочадцами и соседями, с гостями, которых к отцу всегда приезжало немало. Сколько проводилось всяких состязаний, забав... И какой большой круг выстраивался на вересковой поляне между воротами и морем, когда танцевали очистительные танцы с факелами и заклинающие танцы плодородия, когда отец ее, Скельвир хёвдинг, лучше всех молодых в мужском кругу прыгал через копьё и вонзал его в землю... А потом все сидели у костра и пели хором «Песнь о сватовстве хюльдры».

*Мчался витязь Эйрик чрез горы на закате,
Когда все птицы уснули.*

*Вышла дева троллей в зеленом миштом платье
И стала молить о поцелуе,
— и сейчас долетал до нее чей-то сильный голос,
выпевающий знакомые строки.
И десятки голосов подхватывали:*

*О господин прекрасный, внимли моей мольбе:
Женой меня сделай своею.
Возьми что пожелаешь, лишь дай скорей ответ:
Моим ты будешь, да — или нет?*

Воспоминания отдавались болью в груди, и Ингитора с трудом удерживалась от слез, чувствуя себя такой одинокой, всем чужой, потерянной, ненужной, словно камешек на большой дороге... Кто она здесь: пленница или гостя, которую держат из милости? И куда ей идти отсюда: в Аскефьорд, в Эльвенэс, в Льюнгвэлир? И как туда добраться?

Но вот праздники миновали, пришла пора думать, что делать дальше. Ингитора не могла и не хотела бесконечно оставаться в усадьбе Фридланд на Остром мысу, на перекрестке дорог, и деятельный склад Хильды тоже требовал новых подвигов.

— Наверное, тебе хочется вернуться в Эльвенэс? — спросила она дня через два после праздника. — Раз уж так получилось, что выкуп за Эгвальда достался моему брату, то Хеймир конунг, наверное, теперь должен позаботиться и собрать

новый.

– У меня осталась Морская цепь. – Ингитора положила руку на золотую цепь, которую по-прежнему носила, несмотря на досадную тяжесть. – В ней две марки золота, а Торвард конунг и просил за Эгвальда две марки. Правда, серебро за ярлов и прочих пропало, но ведь эта цепь стоит дороже, чем просто две марки золота! Если еще прибавить работу и ее волшебные свойства, может быть, он согласится принять ее как выкуп за Эгвальда и как залог за остальных. А потом можно прислать недостающее.

– Но не можешь же ты поехать во Фьялленланд одна! Я вот что придумала: я сама отвезу тебя в Нагорье к Хагиру и Хлейне, это не слишком далеко, всего-то три дня пути, а там уж Хагир доставит тебя по морю в Тингваль к Дагу хёвдингу. Ну, а Даг перевезет тебя через море опять в Эльвенэс: он родич Хеймира конунга, у него найдется и корабль, и люди. Как тебе это нравится?

– Очень разумно! – одобрила фру Ауд. – Йомфру очень хорошо рассуждает. Не пройдет и половины месяца, как йомфру Ингитора опять будет дома и в полной безопасности!

– А Эгвальд по-прежнему будет в плену, среди лишений и унижения! – продолжила Ингитора. – Я не хочу возвращаться в Эльвенэс! Да, это очень разумно и правильно, но я не посмею показаться на глаза Хеймиру конунгу и кюне Асте после того, как я сначала толкнула их сына на войну с фьял-

лями, обрекла его на раны и плен, потом взялась было его освободить, но только потеряла даром столько сокровищ!

– Ты же не виновата! – утешила ее Хильда. – Хотела бы я посмотреть на того, кто справится с моим братом!

– Неважно! Эгвальд пострадал из-за меня, и я должна его выручить как можно скорее! У меня есть Морская цепь, и мне не следует поворачивать назад, пока есть хоть какая-то возможность его выкупить.

– Ах, вот это совсем не разумно! – забеспокоилась фру Ауд, но Хильда ее не слушала.

Сурово и сосредоточенно глядя в угол, словно хёвдинг, обдумывающий близкое сражение, она в задумчивости поднесла ко рту палец и прикусила короткий ноготь, но опомнилась и поспешно опустила руку.

– У Хуги есть подходящий корабль! – сказала она. – На нем всего по восемь весел с каждой стороны, но тебе же не воевать! А доплыть до Фьялленланда он вполне способен. Я скажу Хуги, что освобождаю его от податей за этот год, если он отвезет тебя к Торварду.

– Ты отправишь меня к Торварду конунгу? – Ингитора так обрадовалась, словно Фьялленланд был тем волшебным местом, где ее невзгоды сразу кончатся.

– Да! – Хильда важно кивнула. – Так велит тебе твой долг любви, так отправляйся же и спаси своего возлюбленного!

Решившись отвоевать и себе место в «Саге об Ингиторе и Эгвальде», она ни перед чем не останавливалась.

– Я сама непременно поплыла бы с тобой! – продолжала она, и это нравилось ей еще больше, но свой долг йомфру Хильда помнила твердо. – Но мне нельзя покинуть Острый мыс. Вот, ездила на осенние пиры к Хлейне в Нагорье – Вальгейр тоже к ним приезжал! И что же? Во-первых, сюда без меня явился сам Торвард конунг, а дубина Спелль побоялся его впустить, и ему пришлось ночевать на берегу – и это рядом с прекрасным просторным домом, словно он бродяга, которого не пускают скупые хозяева! Вот уж в скупости меня никто не обвинит! И это после того, как я не раз принимала его под своим кровом! И мало того! Была как раз третья ночь полнолуния. Там на берегу ночевали еще какие-то люди, а из-за Каровой ворожбы Торвард конунг принял их вожака за Бергвида, моего брата, и напал на них.

Хильда слегка засмеялась над этим недоразумением, а Ингитора окаменела. Хильда не понимала, что говорит о ней, о ее отце! Мало ли народу пристает на ночь к Острому мысу, но не может быть, чтобы в третью ночь полнолуния перед осенними пирами тут были еще какие-то люди, кроме Скульвира. И не мог Торвард конунг напасть на множество разных людей! Только на него, на Скульвира!

– А как звали того человека? – с трудом одолевая дрожь, спросила Ингитора. – Что это были за люди?

– А что ты так... Ах! – Заметив ее изменившееся лицо, Хильда сообразила, в чем дело. – Ты думаешь, это и был твой отец?

– Но его убили как раз в последнюю ночь полнолуния перед осенними пирами, и именно здесь! Наши люди рассказывали, что просили пристанища в усадьбе, но их не пустили, потому что хозяйки не было дома. Что это за Карова ворожба? Кто такой Кар?

– Кар – это один из четырех колдунов с острова. Он был большой злодей при жизни, как говорят, доброе колдовство ему вообще не удавалось, а удавалось только злое. Еще говорят, что моя мать когда-то дружила с ним, но это неправда, не могла она дружить с такой дрянью, просто он когда-то жил у нее в усадьбе, еще когда она жила в Нагорье – ну, до того, как попала в плен. И этот Кар выходит из моря в три ночи полнолуния и обходит мыс. И он делает так, что любой человек в первом встречном видит своего злейшего врага. Вот и Торвард увидел Бергвида, моего брата, хотя там был совсем другой человек.

– Это был мой отец!

– Сейчас мы все узнаем. Эй, Спелль! Поди сюда! – крикнула Хильда, и управитель со своим красивым серебряным ошейником быстро приблизился к ней. – Ну-ка вспомни, кто просил у нас в доме приюта в третью ночь полнолуния перед осенними пирами?

– Я и сам уже подумал, что это отец йомфру! – Спелль почтительно покосился на бледную Ингитору. – Но я... Да, эти люди просились на ночлег, и предлагали эйрир серебра за кров и еду для сорока двух человек. И они были слэтты...

– Как звали хоть кого-нибудь?

– Я не помню, йомфру! Если бы я знал, что это будет так важно... Уже полгода прошло...

– Может, того человека звали Бьёрн? – неуверенно подала голос фру Ауд.

– Это его корабль был «Медведь»²! – поправил ее управитель и с удовлетворением повернулся к хозяйке. – Да, корабль был «Медведь», я точно теперь помню.

Ингитора с усилием кивнула, едва сдерживая горькие слезы. Все верно: корабль Скульвира назывался «Медведь», и тогда, в последнем походе, на нем шло сорок два человека. Каждый раз, когда отец приходил ей на память, ее неудержимо тянуло заплакать. И тем более горько ей было узнать, что всего этого могло бы и не случиться! Если бы отец ее проплывал Острый мыс тремя днями раньше или позже – не встретился бы ему колдун Кар да и сам Торвард конунг, не случилось бы той никому не нужной битвы... И она, Ингитора, сейчас сидела бы дома, с отцом, в покое и счастье... И не носило бы ее по морю, не жила бы она у чужих людей, и дела бы ей не было до конунга фьяллей, конунга слэттов, до гадкого Бергвида... Не в силах удержаться от слез, она вскочила и убежала в девичью.

Но приходилось принимать решение. Ночью Ингитора почти не спала, кое-как отделяясь от назойливого сочувствия Хильды, больше отдававшего любопытством.

² Имя Бьёрн означает «медведь».

– Да, выходит, Торвард конунг тут не так уж и виноват! – рассуждала Хильда. – Как я сразу не догадалась! И что ты теперь о нем думаешь? Что ты теперь хочешь – все-таки хочешь мстить?

Ингитора не отвечала. Вот так разрешилось недоумение, мучившее ее больше полугода: почему и зачем Торвард конунг напал на ее отца? Права была кюна Ульврун, считавшая, что месть за смерть его отца никак не может быть причиной. И вот выяснилось, что конунг фьяллей и в мыслях не имел нападать на Скельвира из Льюнгвэлира. Что он собирался убить Бергвида Черную Шкуру, и это намерение Ингитора всей душой приветствовала. Но что ей теперь делать? Взять назад свои «песни позора»? Что вылетело, того не поймаешь. Да и имеет ли она право примириться с ним – ведь убийство все равно остается убийством.

Мучительная тоска, сознание своей вины и ошибки, по-новому острое ощущение своего одиночества и горечи задаром разбитой жизни не давали ей покоя, и Ингитора всю ночь вертелась на подушке, то плакала, то затихала, но совсем не спала и чувствовала себя почти такой же измученной, как осенью, когда тело Скельвира только привезли домой.

К утру она так ничего и не решила, кроме одного: она виновата в том, что Эгвальд оказался в плену, а значит, ее первая обязанность – выручить его. Ее решимость отправиться в Аскефьорд только окрепла – теперь ей было необходимо

увидеть Торварда конунга и самой понять, что он за человек и что ей о нем следует думать. За это знание она сейчас не пожалела бы жизни, потому что жизнь без него не имела цены.

– Только, йомфру, как бы он не придушил тебя за твои стихи ругательные! – со своей обычной суровой откровенностью сказала ей рабыня Халльгерд. – Раз он, выходит, не виноват, а ты его зазря позорила. Твое дело, конечно, но я бы не ездила. Как есть придушит.

– А то как же! – охотно соглашалась Ингитора, не зря бывшая дочерью годи. – За напрасные «злые песни» сложивший их заслуживает кровной мести, как за убийство. Закон такой есть.

– Ну, так не езд! Зачем пропадать-то?

Ингитора только смеялась, утирая слезы. Теперь, когда она лишилась и отца, и даже того призрачного утешения, которое ей давала месть, мысль о том, что кто-нибудь ее придушит, вовсе не казалась страшной.

– Ну и пусть! – с диковатым весельем восклицала она. – По крайней мере, паду от руки величайшего воина Морского Пути! Он же такой красавец!

И она хохотала, потом рыдала, а невозмутимая Халльгерд, сидевшая на приступке лежанки с шитьем, только качала головой и откусывала нитку.

Убедившись, что Ингитора по-прежнему настроена плыть в Аскефьорд, йомфру Хильда послала за Хуги. Он жил непо-

далеку и промышлял торговлей, для чего нередко плавал в Винденэс, а теперь как раз недавно вернулся с летнего торгога. Он был известен под прозвищем Глиняные Пятки и прославился благодаря давнему пожару в его усадьбе, когда он не один раз сбегал в горящий дом и вынес немало всякого добра, даже не заметив, что босиком ступает по пылающим углям и головням. Как ни странно, его ноги ничуть не пострадали, и после пожара он, изумленный не меньше прочих, охотно давал всем желающим пощупать свои совершенно целые пятки. «Да у тебя, Хуги, пятки, должно быть, из глины!» – смеялись соседи, и после того за погорельцем укрепилось прозвище Глиняные Пятки, которым он очень гордился.

Теперь ему представилась возможность совершить новый подвиг, и он ни на миг не задумался. Как заметила Ингитора, те немногие, кто имел смелость жить на Остром мысу и в ближайших окрестностях, во всем подражали неустрашимой йомфру Хильде.

– А чего же не сходить в Аскефьорд, если мы дорогу знаем? – рисуясь и гордясь своей смелостью, приговаривал Хуги, довольно крепкий человек лет сорока, среднего роста, с рыжеватой, как у многих квиттов, бородкой и серыми глазами навывате. – Если дорогу знаем, отчего же не сходить? Море тихое, дни теперь длинные – одно удовольствие! Одно удовольствие, если Ньёрд попутного ветра даст!

– Учти, я должна тебя предупредить: Бергвид хёвдинг,

мой брат, не хотел бы, чтобы йомфру Ингитора попала в Аскефьорд! – сурово говорила ему Хильда и выглядела сейчас как повелительница, отдающая приказания полководцу. – Он хотел взять ее в жены, и ему совсем не понравилось, что пришлось уехать отсюда без нее! Я тебе доверяю, но смотри же: если бы он прознал про этот поход, то захотел бы помешать тебе!

– А он... того... – нельзя сказать, чтобы Хуги обрадовались, но очень старался выкрутиться без ущерба для чести. – Бергвид хёвдинг, оно да... Так ведь он, говорят, к себе на озеро Фрейра поехал, откуда же ему и узнать? Откуда ему узнать, если он от моря вон как далеко? Если бы он на море был с дружиной, да еще на север бы поплыл – ну, тут другое дело, я не умею невидимым делаться, чтобы мимо него проскользнуть. А если он на озере Фрейра, так отчего же нам не проскользнуть, а он и знать ничего не будет? А кроме Бергвида хёвдинга, к слову сказать, тут и бояться-то некого. Какие прочие морские конунги тут были, говорят, раньше, он их всех поразогнал, спасибо ему на этом.

– Смотри же, я на тебя надеюсь! – сказала Хильда, словно пригрозила.

Встречи с «Бергвидом хёвдингом, моим братом» она явно опасалась больше, чем благополучного прибытия Игнитора к конунгу фьяллей.

А может быть, нет? Может быть, она сознавала опасность и радовалась за Ингитору, у которой есть такой дивный слу-

чай проявить отвагу? И даже если для нее эта поездка кончилась бы плохо, йомфру Хильда искренне позавидовала бы ее «вечной славе».

Но что толку гадать: придушит так придушит. Не понапрасну, как Скельвира, а за дело, все-таки утешенье...

А может быть, не так уж неправа была кюна Ульврун, его тетка, знающая его с рождения и утверждавшая, что он – благородный человек?

Для Ингиторы тем временем собирали вещи, поскольку ее сундук с «Бергбура» бесследно исчез вместе с «Фафнировым кладом», и она предполагала, что в ее красивых платьях из эриннской шерсти и белых рубашках из говорлинского льна будет ходить рабыня Одда у себя на озере Фрейра. Фру Ауд снабдила ее запасом рубашек, полотенец, чулок и прочего в таком роде, выбрала ей хорошее, но неброское платье и коричневый плащ. Морскую цепь придумали обшить тесьмой, так что Ингитора могла носить ее как пояс; было тяжеловато, но, глядя снаружи, никто не догадался бы, что под шерстяной тесьмой прячется золото. Да и кому бы пришлось в голову, что на корабле с восемью веслами по борту везут золотую цепь, стоимостью в тридцать раз превышающую корабль со всеми снастями и припасами. Даже Хуги, хотя Хильда и говорила, что доверяет ему, о цепи ничего не знал: ему сказали только, что йомфру Ингитору нужно доставить к ее жениху, который, вернувшись домой, непременно вознаградит его и от себя. Рабыня Халльгерд отправлялась в доро-

гу тоже, как для услуг, так и для приличия, поскольку знатной девушке не пристало путешествовать с одними мужчинами. Ингитора понимала, что вся эта история доставляет Хильде огромное удовольствие, но была ей искренне благодарна за все самоотверженные заботы о ее благополучии и чести. Кто бы ожидал подобного от сестры самого Бергвида!

* * *

Настал день отъезда; йомфру Хильда самолично принесла жертвы в святилище Тюрсхейм, взяла с Ингиторы клятвенное обещание на обратном пути рассказать все в мельчайших подробностях, и «Коршун» под предводительством Хуги Глиняные Пятки отправился вдоль берега на север. При отплытии Ингитора бросила взгляд на памятные черные камни: от «Бергбура» не осталось и следа, облизанные волнами камни ждали новой жертвы.

Плыть предстояло долго, не меньше двенадцати-пятнадцати дней: сперва вдоль западного побережья Квиттинга, потом немного вдоль земель Рауденланда, потом, после Трехрогого фьорда, начинался Фьялленланд, и до Аскефьорда оставалось еще несколько дней.

Первые день-два Ингитора тревожилась, помня о Бергвиде, но потом, когда Хуги хёльд уверил ее, что дорога от побережья к озеру Фрейра осталась позади, успокоилась и теперь думала только о том, что ждет ее впереди. Предстоя-

щий путь казался нестерпимо долгим, да он и правда был еще дольше того, который ей пришлось проделать от Эльвенэса до Острого мыса. В дороге Ингитора томилась и скучала, хотя Хуги честно старался скрасить ей путь, каждый день заново рассказывая про свой знаменитый пожар. Ингитора пообещала сложить о нем песню, и он совсем расцвел. Но гораздо чаще она, чтобы унять свою тоску, вспоминала песнь отцовского кургана:

*Смелый – Фрейе крови карлов
радость – Тюр сметет преграды...*

Эти строчки подбадривали ее, и она повторяла их, как заклинание, способное смести все видимые и невидимые преграды на ее долгом и странном пути... «Благо мне счастливой видеть...» Если бы Ингитору сейчас спросили, какого счастья она желает, она не знала бы, что ответить. Чтобы не изводить саму себя, она старалась сосредоточиться на ближайшей цели: на спасении Эгвальда. Она жаждала скорее освободить его, но не знала, как взглянет ему в глаза и скажет, что ее желание мести оказалось несправедливым и она напрасно послала его в этот тяжкий поход.

И насколько она обязана теперь выполнять свое обещание выйти за него замуж? Если считать это искуплением зла, которое она ему причинила, то да, обязана. Но мысль об этом смущала Ингитору. Ее пылкое намерение полюбить его, ко-

гда он отомстит, исчезло вместе с самим условием, и теперь она не находила в душе никакой пищи для этого огня. А может, и он уже не любит ее, обнаружив, как дорого придется платить за эту любовь? Все было так тягостно и неясно, что Ингитора гнала мысли о будущем. Пусть все течет, как течет.

Видя, как она томится, Хуги и его маленькая дружина старались изо всех сил. На счастье, пора длинных дней и коротких ночей была в самом разгаре; то под парусом, то на веслах, «Коршун» от зари до зари продвигался вперед. Иной раз, если дул попутный ветер, продолжали плыть до тех пор, пока берега не пропадали в сумерках и не возникала опасность сесть на подводный камень. Тогда «Коршун» вытаскивали на берег, разбивали палатку для Ингиторы и Халльгерд, а мужчины устраивались спать прямо на берегу, на охапках веток, с мешками вместо подушек. Если поблизости оказывался чей-то дом, то просились на ночь туда. Хуги выдавал свое путешествие за предсвадебное: дескать, Ингитора его дочь и он ее везет к жениху, который живет на границе с раудами. Рассказывая, он так увлекался, что сам, похоже, начинал в это верить.

В большую усадьбу под названием Можжевельник, где жил хёвдинг округи Эйнеркрет, заходить не стали – Ингитора боялась, что здесь, в жилище знатных и достаточно осведомленных людей, ее узнают, хотя кто бы мог вообразить, что выкуп за Эгвальда ярла повезут на маленьком кнёрре? Миновав усадьбу еще при свете дня, ночевать устроились,

как нередко бывало, на берегу. Стемнело, все сидели у костра и по очереди черпали из котла похлебку из свежей рыбы с пшеном.

– Отсюда до Рауденланда уже всего ничего! – делился за ужином Хуги, зная, как это обрадует Ингитору. – Завтра уже и раудов увидим. Я тамошнего ярла знаю, обходительный мужчина, в приюте никому не откажет и денег не берет: у меня, мол, не гостиный двор, чтобы с гостей деньги брать. А там еще два денька – и Трехрогий фьорд, а это уже Фьялленланд. Не знаю, кто там сейчас в ярлах сидит, я уж года три там не был, а раньше был один парень... Хороший парень, не заносчивый совсем, а знатный, пожалуй, не меньше, чем йомфру! Если йомфру и впрямь так торопится, то можно бы во всем ему открыться и попросить у него корабль. Он за честь почитает довести йомфру до Аскефьорда. То есть и сам я тоже за честь держу, но вижу ведь, как йомфру торопится, на большом-то корабле оно быстрее будет! Совесть-то у меня тоже есть!

– Придумаешь ты тоже, хёльд! – с сомнением проронила суровая Халльгерд. – Во всем открыться! Признаться, что здесь такая знатная девушка с таким со... – Ингитора толкнула ее, и рабыня прикусила язык, вспомнив, что про Морскую цепь не надо знать даже их верным спутникам.

– Нет, это, насчет этого, ничего подобного! – не совсем внятно, но уверенно возразил Хуги. Похоже, что его даже задели сомнения в чести его фьялленландского приятеля. – У

них, у фьяллей, оно так: что конунгу везут, то уж конунгово, а какой же болван у конунга отнимет? Если кому жить надобно, тогда оно да. Торвард конунг, говорят, суровый мужчина: если уж что его, то его, своего никому не отдаст.

Но Ингитора уже устала выслушивать и сравнивать мнения о Торварде конунге людей, которые или знали его с рождения, или видели один раз издалека. Каков он, она скоро узнает сама. Одним ухом слушая Хуги, Ингитора смотрела на край поляны, на опушку леса, уже совсем черную, и старалась представить свою будущую встречу с Торвардом конунгом, до которой оставалось так немного, пыталась вообразить лицо с заметным шрамом на щеке, но черты лица оставались расплывчатыми, и она была готова к тому, что действительность обманет ее ожидания. Ей рисовалась смутная, темная фигура; раньше она считала его злобным чудовищем, но и теперь новая мысль, что он такой же человек, как все, по-новому ужасала ее, и само имя Торварда конунга вызывало в ней множество мучительных чувств. Это был какой-то черный призрак, рожденный ее горем, болью, сомнением и отчаянием неуголенной тоски...

Черный призрак с длинным копьём в руке выдвинулся из мрака опушки и бесшумно приблизился к костру. Ингитора несколько мгновений наблюдала за ним расширившимися от ужаса глазами, в полной уверенности, что ей мерещится, что сама ее мысль, плод ее воображения, выскользнула наружу и идет к ней по грани тьмы и огненного света... Воздух в груди

замерз и стал глыбой льда, руки и ноги оцепенели, хотелось кричать, а эту глыбу льда никак не получалось вытолкнуть... Но тут рядом с ней громко завопила Халльгерд, отблеск костра осветил фигуру, и Ингитора ясно увидела лицо – лицо Бергвида Черной Шкуры.

Люди вокруг нее закричали, вскочили с мест; те, кто сидел спиной к опушке, не поняли сразу, в чем дело, но тоже вскочили, хватаясь за оружие, ожидая увидеть зверя или чужого человека. Но увидев то, вернее, того, кого уже узнала Ингитора, люди роняли копья и секиры.

Бергвид остановился в трех-четырех шагах от костра и застыл, опираясь на копье и не сводя с девушки тяжелого, но спокойного взгляда. Его совершенное спокойствие было непривычно, почти неправдоподобно, и Ингитора все еще не могла отделаться от ощущения, что перед ней призрак. Не сам Бергвид, а только его дух, который он колдовством отправил в погоню за ней, когда тело его лежит в глубоком, мертвенном сне в усадьбе на озере Фрейра...

Кто-то из людей Хуги, одержимый той же мыслью, хотел бежать, но со всех сторон из темноты выступил плотный строй с мечами и копьями наготове. Это были хирдманы Бергвида, и при виде этой блещущей оружием толпы, при виде бородатой рожи Ульва Дубины Ингитора поверила, что призраки здесь ни при чем. Только теперь она медленно встала на ноги, выпрямилась и посмотрела Бергвиду в лицо. Ее душа настолько устала, что даже сейчас ее основным чув-

ством оставалось тоскливое равнодушие.

– Не призрак ли я вижу перед собой, Бергвид хёвдинг? – спросила она. – Если ты нежить, то ступай под землю, там тебе место!

– Я решил, что ты будешь моей женой, потому что только ты достойна стать матерью конунга квиттов, – произнес он в ответ, и его глухой голос прозвучал как из-под земли, словно подтверждая ее подозрения. – А я всегда добиваюсь того, чего хочу. Так мне суждено.

– Я не виноват, Бергвид конунг! – дрожа, но отчаянно пытаясь сохранить спокойствие, вымолвил Хуги Глиняные Пятки, и сам не заметил, как под влиянием обстоятельств назвал хёвдинга округи Фрейреслаг тем званием, которого тот уже пять лет был лишен. – Твоя сестра так захотела, йомфру Хильда, и послала меня, чтобы того, податей не платить...

Но Бергвид даже не замечал его, как не замечал никого, кроме Ингиторы. Между ними горел и постепенно затухал костер, в который никто сейчас не подкидывал топлива, и Ингитора спокойно выдерживала долгий взгляд морского конунга. Перед ней стояла ее безумная, безрадостная, переменчивая судьба, которая догнала ее, когда она уже вообразила себя ускользнувшей от опасности.

– Завтра мы вернемся на озеро Фрейра, – сказал он ей. – Я никогда не упускаю того, на что имею право.

Ингитора молчала. Ей было нечего ему сказать – и все-таки казалось, что это дурной навязчивый сон, который рас-

тает вместе с ночью, воплощенный призрак тоски, которая пройдет при дневном свете.

* * *

На этом же месте хирдманы Бергвида стали устраиваться на ночлег. «Черный Бык» подвели ближе – он, оказывается, ждал за мыском, а они даже и не заметили, как он догнал их. Прав был опытный мореход Хуги хёльд: большой корабль под широким парусом плывет быстрее!

Повеселевшая дружина Бергвида принялась готовить ужин: над четырьмя кострами повисли котелки, кто-то чистил рыбу, кто-то тащил с «Быка» хлеб и бочонки с пивом. Ингитора наблюдала за этой вполне обычной суетой и потихоньку приходила к мысли, что это не морок. Случилось то самое, чего она так хотела избежать: что она попала-таки в руки Бергвида, и теперь тут нет йомфру Хильды, нет никого, кто мог бы ей помочь. Дней пять они теперь будут плыть обратно на юг вдоль берегов Квиттинга, потом лесом поедут в глубь полуострова, к озеру Фрейра... И там, в усадьбе бывших конунгов, она проведет всю оставшуюся жизнь. У нее будет муж, действительно способный подарить ей однажды мертвую голову Торварда конунга... Но именно сейчас, когда такая возможность стала самой настоящей, Ингитора на чисто утратила это желание. Мнимое равнодушие к своей судьбе стремительно таяло. Если ей суждено погибнуть, то

лучше пусть ее задушат крепкие руки Торварда Рваной Щеки, но только не объятия Бергвида! На нее словно плеснули живой водой: Ингитора осознала, на краю какой пропасти стоит, и ей опять захотелось жить. Совсем не одно и то же – вернуться с Эгвальдом в Эльвенэс или ехать с Бергвидом на озеро Фрейра! Эгвальд ярл, которого она так мало любила, сейчас представлялся ей добрым, благородным и прекрасным, как светлый альв. Дурачина Оттар, которого она не любила вовсе, был обычным человеком, никому не желающим зла, и уже тем казался так хорош, что она с радостью согласилась бы стать его женой, если бы одно это желание могло прямо сейчас перенести ее с этой жуткой поляны у моря домой, в Льюнгвэлир... Что сказала бы мать, ожидавшая примерно этого, когда ее дочь, вопреки всем разумным советам и настояниям, покинула родной дом, чтоб заняться таким неженским делом, как месть... Она сама виновата.

Вся ее жизнь со времени смерти отца представилась ей сплошным безумием; боги за что-то прогневались на нее и лишили разума, заставили совершить целую цепь бессмысленных и диких поступков, которые привели ее в конце концов к собственной гибели. Она сама погубила себя. Перед ней раскрывалась черная дорога под землю, через мост, охраняемый безобразной великаншей, в темные селения Хель. И сама Хель сидела перед ней – Хель в облике мужчины, чье лицо с одной стороны, освещаемое пламенем костра, было красным, а с другой, скрытой во тьме – черным.

И никто, никто уже ей не поможет!

Кто-то из сидящих рядом хирдманов вскрикнул. Ингитора быстро подняла голову и тоже вскрикнула, вцепилась в Халльгерд, сидевшую рядом – это было уже слишком для ее изнемогающей души!

В темноте леса, неясной черной громадой шумевшего поодаль, на высоте человеческого роста сверкнули два пронзительно-зеленых огня, а над ними, чуть повыше, два других, желтых. Они приближались стремительными скачками.

Лицо Бергвида вздрогнуло и изменилось; у Ингиторы мелькнула мысль, что он тоже боится. Он, наводящий ужас на всех живых, боялся существа, которое было еще менее живым и более злобным, чем он сам.

Из темноты выскочила серая тень огромного волка, со спины его соскользнула серая косматая фигурка с копной рыжих волос. Глаза Дагейды слабо светились желтым и, казалось, освещали ее бледное лицо. И даже здесь, на морском берегу, повеяло дурманящей болотной сыростью.

– Почему ты не привел к Лисьему мысу тот корабль? – сразу спросила она у Бергвида, вступив в круг света от костра. Ингитора думала раньше, что ведьмы боятся огня, но, как видно, и в этом она ошибалась. – Я же послала тебя за ним, а ты все бросил и ушел в Тюрсхейм.

– Я не смог бы его догнать, – отрывисто ответил Бергвид. Голос его казался сдавленным, как будто ему было трудно говорить. – Он уже ушел слишком далеко.

– Не догнал! – Дагейда издевательски всплеснула руками. – Жадный, ты слышишь, что он говорит? Не догнал! Разве зря Ньёрд дал тебе одного из своих быков? Разве ты не знаешь, как склонить к себе его милость?

– У меня не было никого подходящего! – с недовольством отозвался Бергвид. Даже от ведьмы он с трудом переносил упреки.

– Никого! – подхватила Дагейда. – А она?

Ведьма махнула рукой в сторону Ингиторы. Та еще не понимала, что имеет в виду Дагейда, но весь облик Ночной Всадницы дышал такой жутью, что даже в Бергвиде Ингиторе в это мгновение мерещилось что-то теплое и человеческое.

– Она была с тобой! – продолжала Дагейда. – И она отлично подошла бы! Женщина – лучшая жертва хозяевам моря!

– Ее нельзя! – сурово ответил Бергвид. – Она нужна мне самому!

– Самому? – с издевкой удивилась Дагейда. – Фенрир Волк! Зачем, скажи во имя Видольва? Разве у тебя мало женщин? В усадьбе у тебя живет семь или восемь, разве нет? Зачем тебе еще одна?

– Она не просто женщина. Она – скальд. Она поможет мне. Ее отца убил Торвард.

– Вот как?

Желтые глаза Дагейды обратились к Ингиторе. Ингитора не могла побороть дрожи: теперь она поняла, чего хотела от

Бергвида Всадница Мрака, и казалось, что та может съесть одним взглядом своих желтых и жадных глаз. Холодной рукой Ингитора стиснула «волшебную косточку», висевшую на цепочке на груди, свой талисман с отцовского кургана, и старалась не смотреть в глаза ведьме.

Несколько мгновений ведьма молчала, рассматривая ее, потом подошла ближе и уселась прямо на землю рядом с Ингиторой. Каждое движение ведьмы дышало нервным звериным проворством, и всем существом Ингитора ощущала, что рядом с ней оказалось создание, не принадлежащее человеческому миру, родное по крови валунам и вереску, но не людям.

– Вот как? – повторила Дагейда. – Неужели так? Тебя обидел мой брат?

– Брат? – От изумления Ингитора не сдержала возгласа. Ей давно пора было перестать чему-либо здесь удивляться, но это уже слишком! – Кто?

У нее мелькнула мысль, что своим братом Дагейда называет Бергвида.

– Да! – Дагейда засмеялась, шаловливо, как молоденькая девушка, даже заблестели ее мелкие ровные зубки. – Торвард конунг, он мне брат. У нас общая мать. Хёрдис дочь Фрейвида из усадьбы Кремнистый Склон сначала была женой моего отца, Свальнира. А потом она ушла от него к Торбранду и унесла его меч, Дракон Битвы. Торбранд убил моего отца, а ее взял в жены. А меня оставили здесь. А Торбранду она

родила сына. Это и есть Торвард. Отец и сын погубили наших отцов, так что у нас с тобой общая месть!

Дагейда глянула прямо в лицо Ингиторе, глаза ведьмы сверкнули золотом болотной воды. А Ингитора не могла осознать ее слова, смысл их не укладывался в голове. Общее! Что общего может быть у нее с этой Всадницей Мрака!

– По вине этого рода и ты, и я осиротели! – продолжала маленькая ведьма, и Ингитора видела в ее глазах ярость, гнев... и боль, чувство, которого увидеть не ждала. – Торбранд погребен здесь, на Квиттинге, и Дракон Битвы погребен с ним. Торвард хочет получить его, чтобы биться с Бергвидом. Но он его не получит! Я стерегу его получше, чем даже Фафнир, этот чешуйчатый слизняк, стерег свое золото. И пока жива дочь Свальнира, человеческие руки не коснутся его меча! А я бессмертна! Бессмертна, как моя ненависть!

– Отдай его мне! – вмешался Бергвид, и по мрачному упрямству в его голосе было ясно, что он завел этот разговор уже не в первый раз. – Отдай мне Дракон Битвы, и я покончу с Торвардом! Пусть он соберет хоть всех фьяллей, способных держать оружие – я смету их всех! Всех, сколько есть!

Голос Бергвида окреп и налился горячей ненавистью, лицо исказилось яростной судорогой, волосы разметались – он стал страшен, как тогда, на «Бергбуре».

– Не дам! – спокойно и холодно сказала Дагейда, и яростный порыв Бергвида мгновенно утих. – Не дам! Если он попадет в руки человека, то сможет попасть и в руки Торварда.

А я знаю, на что способен мой брат. Нет уж, пусть Драконом Битвы владеет мертвец!

Несколько мгновений Дагейда и Бергвид напряженно смотрели друг другу в глаза, а потом человек отвел взгляд. Ведьма усмехнулась:

– Сражайся, мой конунг. Твоя Волчица неплохо служит тебе, ты не заставляешь ее голодать! – Дагейда кивнула на секиру Бергвида, которую он всегда держал под рукой.

Произнося эти слова, ведьма поднялась на ноги. Волк ее мигом оказался рядом и припал к земле. Дагейда привычно вскочила ему на спину и вцепилась в густую шерсть на загривке. Волк легко поднялся на лапы, одним неслышным прыжком вылетел из круга света и растаял во тьме. Действительно ли они приходили сюда, Всадница Мрака и ее страшный скакун? Или это были лишь виденья, отраженные образы мстительной злобы?

Бергвид вздохнул с облегчением, когда ведьма исчезла. Его странная дружба с ней продолжалась уже семнадцать лет, но с каждым годом выносить ее присутствие ему становилось все тяжелее и тяжелее. Каменные горы наваливались на грудь и не давали дышать, а перед глазами разворачивалась бездонная черная бездна – и тянула к себе. Хёрдис Колдунья, кюна фьяллей и бывшая жена великана Свальнира, поняла бы его – в это самое состояние ее привели когда-то два года, прожитые в великаньей пещере. Но Хёрдис все же нашла в себе силы вырваться из мрака и вернуться к людям.

Бергвиду этого было не суждено. Медленно, в течение многих лет, дочь великана подчиняла его себе, и каждая смерть, созданная его руками с ее помощью, приковывала его к ведьме все крепче и крепче.

Бергвид вдруг оглянулся и встретил взгляд Ингиторы. В ее глазах он видел отвращение, презрение и жалость к существу, которое безвозвратно гибнет, не сознавая этого, но и осознание уже не может его спасти, потому что поздно!

И Бергвид вдруг отшатнулся, как от огня, спрятал голову и прижал ладони к лицу. Ингитора даже не поняла, что с ним. И только потом, когда он несмело обернулся и посмотрел на нее сквозь пальцы, как испуганный бородатый ребенок, когда она увидела его черты, искаженные ужасом и безнадежностью, она поняла: теперь он сам боится ее. В ее лице он увидел отражение судьбы, той самой судьбы, которой поклонялся и которую единственную признавал сильнее себя.

* * *

Больше Бергвид не сказал Ингиторе ни слова и даже не посмотрел в ее сторону. Окончив ужин, его люди выставили дозоры и улеглись спать на берегу. Ингитора не ложилась. Для нее было совершенно очевидно, что надо отсюда уходить и что она уйдет, потому что оставаться здесь, с безумным Бергвидом и его названной сестрой-ведьмой, так же невозможно, как дышать под водой или передвигаться в

толще камня. Ни тревоги, ни сомнений, ни страха она не знала: все в ней стало просто, сильно и ясно, как будто мутные волны схлынули и она увидела все таким, какое оно есть на самом деле.

Ингитора выбирала из кучи хвороста маленькие ровные палочки, обламывала их так, чтобы они были одинаковой длины, и одновременно с палочками подбирала строчки, составляя большую хвалебную песнь в честь руны Исс, той самой, которая уже однажды спасла ее и могла спасти еще раз.

*Девять знаков режут Девы,
Знак десятый – руна Льда,
Корка волн, оковы рекам —
В крепких чарах спит вода.³*

Сначала в уме, потом вслух, потихоньку, Ингитора стала напевать эти строчки, раскладывая палочки вокруг и окружая костер частоколом усыпляющей руны Исс. Одновременно она наблюдала, как окружающие относятся к ее маленькой ворожке. Никто ничего не замечал! Бергвид лежал с другой стороны от костра, завернувшись в свой черный плащ, и походил на длинную бесформенную грудку чего-то неживого; только знакомые длинные пряди давно нечесаных волос давали понять, что это все-таки человек, притом один из самых знаменитых героев Морского Пути.

³ Стих построен на оттенках и вариациях содержания руны Исс, то есть Лед.

*Змей печаль, земли кольчуга —
Льдом зовем широкий мост;
Поводырь слепому нужен —
Отражение вышних звезд.*

Стих получался странный: он не принадлежал ни к одному из существующих размеров, но он был живым — он сам требовал конечной рифмы, он сам обламывал каждую четную строчку на слог раньше, как обламывается самый тонкий кончик ледяной пластинки, а Ингитора была достаточно способным и уже достаточно опытным скальдом, чтобы не насиловать свое творение и позволять ему расти, как ему самому хочется.

*Шлем Страшило, крыша Змея,
Рунный посох, власти знак,
Кровля волн, блестящий ужас,
Зимней ночи ясный мрак.*

Ингитора делала то же, что однажды сделала ведьма Дагейда, желавшая не пустить в глубь Медного Леса дружину своего брата Торварда. Но Ингитора владела другой силой, отличной от мертвящей силы камней. Ей помогало чувство уравновешенности вселенной, силы которой откликаются на такое же уравновешенное, связанное, хироумно-намеренно сплетенное слово. Искусство скальда способно вращать мир

не менее сильно, чем острота меча или блеск золота, и Ингитора, достаточно испытывавшая силу своего оружия, твердо верила и в него, и в свою способность им пользоваться.

*Злобный Змей, пленивший скальда,
Вам подвластен, силы Льда,
Заморозьте кровь злодея,
Щит мне дайте от вреда.*

Ингитора повторяла, и с каждым словом делалась все более бесстрашной: грудь пробирал живой холодок, словно она сама превратилась в Ледяной Посох, стала ожившей руной Исс, которую еще зовут «Шлем Ужаса» или «кровля волн», и все ее многообразные беловато-голубые значения мерцали и переливались в ее похолодевшей крови блеском зимних звезд. Она превратилась в мрак и серые тени, в замороженный поток – застывшее время, что не растет и не увядает, в отблеск луны на снежном поле, и в зеленые огонечки волчьих глаз; она могла пройти через любую преграду, как тень. Напевая уже почти в голос, Ингитора встала на ноги, огляделась: люди вокруг нее спали. Костры угасали, потому что дозорные не подкидывали в них топливо; Халльгерд спала, раскинувшись, точно так же, как в девичьей йомфру Хильды. Бергвид не шевелился и вовсе не напоминал живое существо. Ингитора положила возле него три ровных, нарочно для него выбранных и вымеренных палочки. Три руны Исс, втройне усиленные своим утроением, держали его за неру-

ШИМЫМ ЧАСТОКОЛОМ.

*Посох Льда беру я в руки,
Твердой волей скован Змей:
В сон закован черный, злобный,
Бергвид Шкура, брат теней.*

Ингитора вытащил из-под бока у Халльгерд свой мешок; та не пошевелилась. Обойдя Бергвида, Ингитора пошла прочь от костра. Темный ельник принял ее в свой хоровод, еловая лапа мягко погладила по голове. В другое время Ингитора побоялась бы одна войти в ночной лес, но сейчас он казался ей добрым другом, надежным пристанищем, защитившим от гораздо более страшной опасности. Положив руку на шершавый чешуйчатый ствол, чувствуя под ладонью липкие капли еловой смолы, Ингитора оглянулась. Костры угасали, и вся площадка казалась полна навек застывшими мертвыми телами.

*Мир окован хладной властью,
Я – свободна волей Льда,
Спящий круг легко покину,
Выльюсь, как из рук вода.*

Для нее одной лед растаял и позволил выйти из круга, как вытекает вода, когда ее зимние оковы рушатся. Ее переполняло восхитительное чувство: и жуть, и восторг, и ощущение

своей безграничной силы, словно она божество, внутри которого помещается вся вселенная. Она всего лишь пересекла прибрежную площадку и вступила в темноту леса, но сейчас это был подвиг, доказавший, что она в совершенстве овладела прихотливым оружием скальда и отныне всевластна.

Глава 4

Торвард конунг сидел на своем высоком сиденье, перекачивая в руках золотой кубок, и смотрел на вход в гридницу. Халльмунд, орудуя длинным эриннским ножом с бронзовой рукояткой, делил на куски жареного барана, попутно пресекая попытки скучающего Эйнара затеять «сравнение мужей», как он это называл, то есть просто перебранку. В отсутствие Ормкеля Эйнар откровенно скучал, приставал ко всем подряд, но достойного противника и собеседника ему не находилось. Служанки раздавали куски мяса и хлеба, первыми оделяя троих конунговых телохранителей, разносили пиво в кувшинах. Хирдманы и гости за двумя длинными столами по сторонам палаты уже ели.

Через порог перепрыгнула Эйстла, очевидно, уворачиваясь от подзатыльника, а за ней в гридницу шагнул Регне Пёсий Нос.

– Он не пойдет! – объявил оруженосец. – Говорит, что если он нужен Торварду конунгу, то пусть Торвард конунг идет к нему сам. И что он никогда не сядет за один стол с колдуном, и что единственная встреча, которой он желал бы – новая встреча на поединке. И что ты ему должен виру за зловредную ворожбу... Но ты же сам приказал, чтобы слово в слово! – с мольбой воскликнул Регне, видя, как Торвард изменился в лице и подался вперед.

– А про парня не скажешь, что он трус! – выкрикнул Фреймар ярл.

По гриднице пробежал ропот: кто-то негодовал, кто-то смеялся. Для пленника Эгвальд вел себя слишком уж дерзко, но многим эта дерзость нравилась. Женщины стали оживленно переглядываться: в последний месяц молодой, красивый, отважный сын Хеймира конунга был у всех на уме. То, что он потерпел неудачу и получил рану, в глазах отзывчивых женщин придавало ему особое обаяние: за его выздоровлением внимательно следили, о нем говорили, ему посылали подарки в виде жареных поросят или новых рубаш. Всем хотелось на него поглядеть, и общее мнение склонялось к тому, что Эгвальду пора покинуть корабельный сарай, где он сидел с остатками дружины «Красного Ворона», и жить в Аскегорде в качестве гостя.

Торвард, в общем-то, не имел ничего против, но зато имел сам Эгвальд, который отказывался даже появляться в доме своего врага. Торвард отчасти понимал, почему тот решительно отвергает его попытки примириться: Эгвальду было просто стыдно показываться на глаза людям, которые взяли его в плен. Но вот грубить при этом вовсе не обязательно, и эта неистребимая дерзость отдавала мальчишеством. Сам же Торвард находил странное удовлетворение в том, чтобы наблюдать за Эгвальдовыми вспышками героизма и сносить упреки спокойно: при виде того, как другой не умеет держать себя в руках, он сам укреплялся в этой полезной спо-

собности.

– Ты не можешь отрицать, конунг, что в нем тоже кровь истинного конунга, неустрашимого, как подобает потомку Кона Юного! – подхватила фру Гейра, жена Фреймара ярла. – Он неустрашим, как сам Сигурд!

– Перед драконом, да? – Торвард усмехнулся, и вся гридница одобрительно засмеялась. – Неужели я такой страшный, а, Гейра?

– Ты грозен и неумолим, как сама судьба! – пришла на помощь невестке фру Маглинд, жена Ингимара ярла.

– Просто он знает благородство нашего конунга, вот и мелет языком, всем показывает, какой он герой! – с возмущением отозвался Халльмунд, оскорбленный за Торварда и считавший, что в этом случае конунг проявляет излишнее мягкосердечие. – И вообще, я говорю, нечего его сюда звать! А то опять примется за стихи!

– Видно, ему не рассказывали про участь Вильмунда сына Стюрмира! – вставил Асвальд Сутулый, глядя на длинный, жирно блестящий нож в руках Халльмунда. – А случай-то прямо один в один!

– Да, ты прав, Асвальд ярл! – воскликнула кюна Хёрдис. – Случай и впрямь подходящий! Было бы совсем неплохо порадовать Одина достойной жертвой, потому что конунгу, моему сыну, нужно много сил и удачи!

– А заодно это было бы прекрасным ответом на то, как его братец Хельги лишил нас Торбранда конунга! – добавил

Асвальд.

Многие, изумленные этой диковатой мыслью, повернулись к нему, а Асвальд ярл невозмутимо продолжал:

– Допустим, гибель на поединке нельзя приравнять к убийству и мстить за нее нельзя. Но и принесение пленника в жертву тоже нельзя считать убийством, поскольку это дар богам и почетная участь для самого принесенного. И при этом мы рассчитаемся с родом Хеймира за ту потерю, которую мы понесли из-за него. Соглашайся, конунг, – голосом соблазнителя добавил он.

Эйнар в молчаливом восхищении закатил глаза; остальные смотрели недоверчиво, пытаясь понять, не шутка ли это. Торвард прикусил губу: с языка чуть не сорвалось, что такой совет пристал старой ведьме, но перед ним был один из старейших ярлов его отца и он не мог при всей дружине оскорбить его подобным сравнением. Да и кюна Хёрдис на «старую ведьму» непременно обидится...

– Ты полагаешь, Асвальд ярл, наши дела настолько плохи, что мы нуждаемся в таких сильных средствах? – многозначительно помолчав, невозмутимо и внушительно спросил Торвард.

Старые ярлы взглянули на него по-другому, и даже кюна Хёрдис слегка переменилась в лице. Сами слова, и голос, каким они были сказаны, и то, как Торвард произнес их, не разжимая угол рта, так напомнили его отца, Торбранда конунга, имевшего привычку говорить, держа во рту соломинку,

что всем вдруг померещился «старый конунг», хотя внешне-го сходства между отцом и сыном не имелось ни малейше-го. Асвальд Сутулый опустил глаза: на него вдруг глянул его прежний вождь, уже прославленный воин, в то время как сам Асвальд был мальчишкой, мечтающим пойти в поход вместе с конунгом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.